

ЧАСЫ, ИДУЩИЕ НАЗАД

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Следствие ведет профессионал

Татьяна Степанова

Часы, идущие назад

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Часы, идущие назад / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,
2018 — (Следствие ведет профессионал)

ISBN 978-5-04-095111-6

Загадочное и страшное убийство фотографа Нилова приводит криминального обозревателя Пресс-центра ГУВД Московской области Екатерину Петровскую в городок Горьевск. В начале XX века в местной достопримечательности – башне с часами – была найдена повешенной единственная наследница и дочь фабриканта Шубникова Аглая. В этот момент часы на башне пошли вспять, после чего навсегда остановились. С тех пор в Горьевске существует поверье, что дух башни требует ритуальных жертв – и за это исполняет заветные желания. Век спустя странные убийства возобновились. И на глазах испуганных горожан, а также прибывших на место преступления полковника Гущина, Екатерины Петровской и всей следственной группы стрелки башенных часов ожили и сделали несколько кругов назад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095111-6

© Степанова Т. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	49
Глава 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Татьяна Юрьевна Степанова

Часы, идущие назад

*Об остальных и горевать не стоит? Они нужны вам не большие
пряжки, которая оторвалась от вашей туфельки в раннем детстве?
Мы – путники, которые должны удерживать весь свой скarb в руках.
Выроним – подберут те, кто идет следом... Наш путь долог, а жизнь
коротка. И на этой дороге накапливается весь скarb человечества.
Ничто не пропадает бесследно.
Том Стоппард «Аркадия»*

© Степанова Т. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Стрелки и циферблат. Логово

Тихо и сыро. Предраассветная мгла. Жемчужный свет летних сумерек. Диск луны – над речкой. Над башней.

Луна выглядит плохо. Луна похожа на лик после долгой изнурительной болезни или безумия, прижатый к толстому оконному стеклу *с той, другой стороны*.

Луна пялится сверху и не отражается в реке. Мглистая дымка июня одеялом укутывает чахлую речку и берега, заросшие кустарником и осокой.

Острый шпиль башни черен на фоне больной безумной луны. Тусклые блики лунного света – словно потеки светящейся краски на белом круге циферблата башенных часов.

Черные стрелки часов похожи на ножницы.

Сколько времени до рассвета?

Нисколько.

Часы на башне не знают. Они молчат так давно, что разучились считать минуты и мгновения.

Громада высокой квадратной башни, увенчанной шпилем, заслоняет небо. На фоне приземистых кирпичных фабричных корпусов башня с часами смотрится органично и монолитно.

Но с берега реки, на фоне вяло текущей воды, башня с часами выглядит как чужеродный предмет. Как древний замок – заброшенный с начала времен, где хозяйничают лишь ночные тени, старые грехи, кровавые грезы, могильная тишина и неисполненные желания.

Тысячи тысяч теней, детей ночи, иллюзий, кошмаров, обещаний, надежд.

Тысячи тысяч всхлипов, криков... Содранные до крови о железную решетку пальцы... Остатки яда в кофейной чашке саксонского фарфора, следы рвоты... Кровь на белом пикейном покрывале девичьей постели... Кровь на персидском ковре, ошметки плоти, вырванной из трепещущего тела...

Никакой ремонт, никакая перепланировка помещений, никакие новые пластиковые окна не могут изгнать то, что помнят кирпичные стены башни.

То, что не знают точно, но о чем догадываются мертвые стрелки.

У мертвецов – сложности с теорией относительности.

Категории *времени* – в избытке. А вот категория *пространства* ограничена могилой на городском кладбище, такой старой, что и сам след ее потерян.

В городе поговаривают, что в лунные летние ночи... такие как эта... и в зимние вьюжные ночи, и в осенние безлунные ночи, насквозь пропитанные северным ветром, башня с часами становится убежищем... *логовом* для мертвецов.

Слышите?

Разве вы не слышали? Вот сейчас...

Что это было?

Кваканье лягушек в реке? Многоголосый хор озерных лягушек, мечущих икру в юной изумрудной ряске?

Прислушайтесь...

Это голоса не реки.

Это на башне – там, наверху, под часами, где часовой механизм.

Хрип...

Кто-то глухо хрипит, словно не может вздохнуть.

Лунный свет косо льется в пластиковое окно.

В лунном свете на фоне кирпичной стены пляшет тень.

Дикая пляска – пятно на стене дергается, мечется, дрожит.

Потом судорожная пляска постепенно сходит на нет.

На каменном полу валяются окровавленные предметы. Их впоследствии будет пристально, весьма дотошно изучать местная полиция.

А если взглянуть вверх, на высокий потолок, можно увидеть чрево башенных часов – старый часовой механизм. Зубчатые колеса, валики, медные трубы...

На медной трубе в петле висит тело.

Пляска смерти окончилась. Лишь ноги висельника как-то странно дрожат. Внезапно по телу проходит сильная судорога, и оно выгибается так, что позвоночник чуть не переламывается пополам. Голые ноги сгибаются в коленях. Подол платья обнажает ляжки. Ноги по-паучьи вздергиваются, сучат в последней агонии.

А тело в петле начинает раскачиваться, вращаться, вращаться, вращаться, вращаться.

Мертвец всем своим весом в петле давит на металлический поршень, как будто пытается привести его в действие и завести механизм башенных часов.

Но зубчатые колеса, шестеренки, поршни и валики не подчиняются мертвому телу.

Механизм не включается. Часы на башне не возобновляют свой ход.

Мертвец в петле все еще раскачивается, как маятник.

А луна медленно тает, растворяясь в утренних сумерках.

По пустынной улице мимо фабричных корпусов проезжает оранжевая машина городских коммунальных служб. Ее черные щетки тихонько щекочут разбитый асфальт проезжей части.

Кроме урчания мотора в предрассветной мгле – больше никаких звуков. Лягушки в реке молчат. Их что-то сильно напугало.

Глава 2

Дом у реки

– Молодой. Жить бы да жить парню.

Это сказал полковник полиции Федор Матвеевич Гушин, стоя над трупом. Катя – Екатерина Петровская, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, не произнесла ни слова. Она вообще решила пока помалкивать, потому что происходящее ей совершенно не нравилось.

А дом, где нашли тело, вообще пугал. Что было странно, ведь с виду это была обычная заброшенная провинциальная развалюха – старинный кирпичный особняк с мезонином и тремя пузатыми ампириными колоннами на входе.

– Голову размозжили в лепешку. Это с какой силой надо было бить. – Полковник Гушин, кряхтя, наклонился.

– Не один удар – минимум два. Били, добивали. – Патологоанатом из межрайонного бюро экспертиз – женщина средних лет, незнакомая Кате, – работала в паре с местным экспертом-криминалистом.

– Крови много. – Полковник Гушин хмуро заглядывал в лицо трупа.

Черная лужа крови растеклась из-под тела по полу, представлявшему собой свалку из щебенки, битого кирпича, мусора и темных деревянных плашек – остатков наборного дубового паркета. В луже крови валялись два увесистых кирпича и какой-то металлический предмет.

Катя разглядывала железку с содроганием. Что-то вроде «кочерги» – часть арматуры с прилипшими к ней темными волосами и мелкими осколками черепной кости.

Эксперт-криминалист начал делать снимки, патологоанатом сама брала образцы с ран на голове. Помощь ей оказывал местный сотрудник розыска. Они молча возились над телом, как стая падальщиков в саванне.

Полковник Гушин повернулся к трупу спиной и медленно пересек помещение, взгляд его скользил по облупленным стенам. Под подошвами новых щегольских ботинок Гушина хрустел щебень. Катя двинулась за ним. Сразу же нога ее попала в выбоину в полу и почти по шиколотку утонула в сгнившем мусоре. Катя вздрогнула от отвращения. Вязкое вонючее месиво пружинило и одновременно засасывало – кажется, еще миг – и провалишься куда-то вниз, в темный подвал.

– Что это за развалины? – спросил Гушин, вроде бы ни к кому не обращаясь.

Ответил ему один из местных полицейских, стоявший у двери и хмуро изучавший «вид с трупом» издали:

– Дом у реки.

– Чей дом? – уточнил Гушин.

– Сейчас ничей. Памятник городской архитектуры.

– Это памятник?! – Полковник Гушин обозрел стены и потолок.

Катя тоже огляделась. В потолке зияли дыры. Выщербленные стены были исписаны граффити, исчерканы углем, заляпаны чем-то подозрительно похожим на окаменелые экскременты. Дом представлял собой анфиладу комнат. В большинстве из них двери были сорваны с петель и отсутствовали. И лишь в этой, центральной комнате дома, где лежало тело, дверь все еще сохранилась. Местный полицейский постучал по ней костяшками пальцев – тук, тук.

– Памятник истории города Горьевска, Дом у реки, – повторил он. – Сломать нельзя, он в списках Архнадзора. Перестроить и надстроить тоже нельзя. Инфраструктуры никакой давно не осталось – ни водопровода, ни канализации. На отшибе расположен. Трижды на аукцион

выставляли для продажи и реставрации. Никто не хочет вкладываться. Он всегда стоял заколоченным и пустым. Я еще пацаном здесь по улицам гайкал, и Дом у реки уже тогда пустовал.

Катя глянула на говорившего – почти ровесник Гущина, за пятьдесят. В штатском, не в форме. Брюхо пивное переваливается через ремень, и амбре за километр.

Выходной сегодня, суббота. Понятно, что выдернули толстяка на убийство прямо из дома, может, даже из-за обеденного стола. Но ощущать пивной дух в месте, где лежит окоченевший труп с разможенной в лепешку башкой, – это чересчур. От этого не просто коробит, это вызывает ярость.

Данная деталь была лишь одной в череде весьма странных обстоятельств, открывшихся Кате в городе Горьевске почти сразу, едва машина полковника Гущина остановилась у Дома у реки.

И не собиралась Катя ни на какое убийство! Да, в эту субботу пришлось поработать, но ехала Катя не в Горьевск, а в тихие Озеры, где в уютном лесном отеле собралась на подведение итогов Ассоциация частных детективов Подмосковья. Катю как своего криминального обозревателя пресс-центр ГУВД отрядил освещать это событие – среди членов ассоциации было немало недавних полицейских из области. И связи всегда сохранялись. Полковник Гущин ехал на совещание как лицо официальное, представитель Главка. И Катя тут же, естественно, прилипла к нему, как рыба-прилипала к киту – не пилить же в такую даль, в Озеры, на своей машине, если можно с комфортом расположиться на заднем сиденье служебного внедорожника шефа криминальной полиции Подмосковья.

Ну, в общем, все как обычно. В лучших традициях совместной плодотворной работы, когда она как криминальный репортер путалась под ногами хмурого, хрипатого, лысого, часто нелюбезного полковника Гущина.

На слет детективов полковник Гущин нарядился, как на свадьбу. Надел свой лучший черный костюм, яркий галстук, до блеска начищенные дорогие ботинки. Кроме парадного прикида, он вез с собой также теплую куртку и туго набитую спортивную сумку. Посиделки ассоциации планировалось продолжать все выходные: в субботу – доклад и перевыборы руководства, а в воскресенье – отдых на природе, рыбалка, банкет.

Катя подозревала, что Гущин, кроме официальной части и рыбалки, хочет навести в ассоциации личные мосты. Какая рыбалка в конце октября?! В Главке давно говорили, что Гущин вот уже который год собирается на пенсию. Возможно, он хотел понаблюдать жизнь частных детективов в неформальной обстановке, встретиться с «зубрами», потолковать о перспективах организации своего собственного частного агентства после отставки.

Но все эти планы канули в небытие.

Гущин сидел за столом президиума в конференц-холле отеля, когда у него в кармане пиджака завибрировал мобильный. Он тогда не ответил. Но сигнал повторился снова, и он, извинившись, достал телефон. Глянул на дисплей. И сразу же встал и направился к выходу.

По его лицу Катя, отчаянно скучавшая на этом токовище, поняла: что-то случилось.

И моментально тоже выскользнула из зала.

Гущин в холле отеля у кого-то уточнял по телефону:

– Точно убийство?

Потом лицо его перекошилось так, словно он хлебнул чего-то кислого и отвратного.

– Ну, это же Горьевск, – молвил он загробно. – Ладно, ждите, я тут неподалеку. Выезжаю лично.

Катя покрепче ухватила свою сумку и помчалась на стоянку отеля, к гущинскому джипу. Встретила полковника уже там, молча, преданно пялясь в глаза.

– И я, я, я с вами тоже, Федор Матвеевич!

– А твоя статья про этих хмырей как же? – спросил Гущин, кивая на отель, где продолжался глухариный ток частных детективов Подмосковья.

– А, там все уже ясно. Я сочиню некролог.

– Ловкачка.

– Я хочу с вами, Федор Матвеевич! Это намного интереснее. Там убийство, да? А кого убили? В Горьевске, да? А где это? И потом, мы же вернемся сюда, в Озеры, вечером. И завтра здесь целый день.

Гущин ничего не ответил. Кате показалось – в тот момент он ее даже не услышал.

Вот так Катя и оказалась в подмосковном городе Горьевске вместо ведомственного уик-энда с банкетом и отдыхом в загородном отеле.

Горьевск... Нет, не от слова «горы» название городка. А от слова «горе». Почему-то в Главке над городом Горьевском всегда измывались – ну, типа «Если смешать Рязань с Москвой». Или даже хуже: «Какого свекольного хрена мешать Рязань с Москвой». Или уж совсем гадкое, нетолерантное, стебное: «Туалеты на этажах на ключ закрывайте, а то как понаедут из Горьевска и Луховиц, не то что ручек дверных – унитафов недосчитаешься».

Это все лживые сказки для обывателей-простецов, что полиция нынешняя, как встарь, единый, сплоченный ведомственный организм. Все печали и конфликты нашего времени, вся злость, весь стеб социальных сетей, насмешек, оскорблений, презрительных прозвищ – «нищоброды», «лохи», «деревенщина», «быдло», «понаехавшие» – словно чума, проникают и в полицейскую среду. И на этом фоне всеобщего презрения всех ко всем и тотальной озлобленной травли по любому, самому пустяковому бытовому вопросу особенно отчего-то в Главке досталось несчастным Луховицам и Горьевску.

Луховицы, бедные, вообще никого никогда не трогали, жили себе, были. А Горьевск...

Возможно, что-то было не так с самим этим подмосковным городком. Что-то неладно.

Но до поры до времени Катя прояснить это для себя не могла.

Одно ее сразу же поразило при осмотре места убийства: в Доме у реки был лишь полковник Гущин да горстка – вялая и какая-то неадекватная – местных полицейских. И приезжий патологоанатом. И никого из местного руководства – ни из ОВД, ни прокурора. Следовательно, правда, дежурный нарисовался – стажер лет двадцати двух. Он тыкался, как глупый щенок, ко всем, а его все игнорировали.

Это настолько было не похоже на обычную, привычную для Кати, четкую и слаженную работу на месте такого серьезного происшествия, что она лишь диву давалась.

– Дверь входную видели, Федор Матвеевич? – обратился к Гущину пузатый полицейский «под мухой». – Вроде как следы взлома.

Гущин через анфиладу комнат зашагал к входной двери. Он оглядывал толстые стены заброшенного здания. Пару раз подходил почти вплотную к стене. Трогал осыпавшуюся штукатурку, выбоины. Растирал крошку кирпича и штукатурку в пальцах, даже нюхал.

Они вышли на крыльцо. Уже смеркалось. В быстро накатывающих на Горьевск осенних промозглых сумерках Катя видела полицейские машины с мигалками, берег реки, заросший высохшим ковылем, что-то вроде мусорной свалки.

Слева во мгле мерцали огни городских кварталов. Узкая речка плескалась в десяти шагах от ступеней разбитого крыльца. Справа вдалеке выстроились старые кирпичные фабричные корпуса. Над ними небо выглядело темным, почти по-ночному черным. И на фоне мрака что-то возвышалось, устремляясь к тучам. Что-то большее, нелепое и громоздкое.

Но дверь Дома у реки выглядела новой и... действительно взломанной. Дешевая филенчатая дверь, приткнутая к старинной, источенной жучком дубовой дверной раме. На филенках четко выделялись следы ударов. На дверном косяке – свежие ссадины. Дверь пытались отжать. На битом кирпиче валялся сорванный дешевый дверной замок. Подошедший эксперт-криминалист поднял его и аккуратно убрал в пластиковый пакет.

Возле крыльца – прислоненный к стене мужской велосипед, весьма дорогая модель. На ступеньках – монтировка. Эксперт и ее поднял, начал упаковывать как вещдок.

– Дверь взломали. Парня убили, – сказал полковник Гушин. – Велосипед потерпевшего?
– Там, в комнате, еще и сумка, а в ней тоже разный инструмент, – сообщил полицейский «под мухой».

– У парня забрали мобильный, – Гушин, сопя, осматривал следы взлома на двери. – Ограбление?

Его собеседник пожал плечами.

– Портмоне в заднем кармане брюк, – Гушин сказал это сам себе.

И снова направился через анфиладу в комнату, где в луже крови лежало тело.

– Давность смерти? – спросил он эксперта.

– Не менее двадцати часов. Его убили здесь, в доме, в этом самом помещении – в этом нет сомнений. И произошло это ночью, часа в два или в половине третьего, – подала голос патологоанатом. – Вскрытие я проведу завтра, но уже сейчас можно сказать, что причина смерти – черепно-мозговая травма.

– Лицо не изуродовано? – спросил Гушин.

– Смотрите сами, – патологоанатом и эксперт начали осторожно поворачивать тело набок.

Катя ощутила спазм в желудке. Лицо убитого было густо вымазано кровью. Кровь налипла на щеки, вокруг рта образовалась спекшаяся черная кайма, словно мертвец в последней агонии пил собственную кровь, вытекшую из его проломленного черепа.

Однако черты лица от увечий не пострадали. Убитый был действительно молодым – лет двадцати семи. Тощий короткостриженный брюнет невысокого роста и с маленькими, почти женскими ступнями и кистями рук. Он был одет в зеленую толстовку, серые джинсы и поношенные, но очень дорогие и модные кроссовки. Поверх толстовки – короткая куртка, старая и потрепанная, что не вязалось с другой, простой на вид, но стильной одеждой.

Полковник Гушин снова наклонился и провел рукой, на которую надел взятую у эксперта резиновую перчатку, по куртке – растер в пальцах.

Кроме крови, пропитавшей одежду, была еще и...

– Кирпичная крошка, известка. У него вся одежда спереди в строительной пыли. – Гушин очень осторожно дотронулся до волос убитого. – И здесь, в волосах, тоже пыль и опять каменная крошка.

– Он же тут всю ночь лежит, на этой помойке, – сказал подошедший сбоку полицейский «под мухой».

– Возьмите обязательно образцы почвы с пола, образцы всего этого мусора и сделайте соскобы со стен, – приказал Гушин эксперту-криминалисту. – Я хочу, чтобы вы сравнили результаты.

– А чего вы на стены так смотрите? – спросил его толстяк.

– Что за инструмент у него в сумке? – вопросом ответил Гушин.

– Мы уже этот вещдок упаковали, – откликнулся эксперт.

– Но что там было?

– Долото, молоток, ручная дрель. Еще небольшой лом. Все, что можно использовать для взлома замка.

– Уголовник, что ли? Вор? – тихо спросила Катя. Она наконец-то обрела дар речи. – Но что здесь красть? И не похож он. Хипстер.

Гушин взял у эксперта пластиковые пакеты и сам начал надевать их на кисти убитого. Затем, уже в пластике, внимательно осмотрел ладони и пальцы, ногти.

– У него известка под ногтями.

– В агонии пол царапал, – сказал эксперт.

Гушин снова оглядел анфиладу комнат.

– Вор? – снова спросила Катя.

– Проверим по базе данных отпечатки. Нам необходимо установить его личность. Кто он такой. Документов при нем никаких.

– В портмоне – две кредитки и две купюры по пятьсот, – заметил патологоанатом. – На деньги не польстились, может, мобильного убийце-грабителю хватило.

– Проверка по базе ни черта не даст. Нет его там. Он несудимый, – сказал со вздохом, словно сожалея, полицейский «под мухой».

– Вы что, его знаете? Он вам знаком? – резко спросил Гушин.

– Знаю его, – полицейский глядел на тело. И взгляд этот Кате не понравился. Он был лишен сострадания. В нем вместе с алкогольным остеклением мешалось, как в коктейле, холодное любопытство и... Что-то было еще в этом взгляде, что-то неуловимое. – Он не местный, не наш, не из города. Это фотограф.

Глава 3

Фотограф

11 апреля 1903 года

– С дороги! Чего рот раззявили?!

Кучер проорал это хрипло и зло, не стараясь даже натянуть вожжи и сдержать лошадь. Большой шарабан громыхал колесами по разбитой уездной дороге. Орловский рысак не сбавил хода, шустро перебирая точеными ногами. С середины дороги на обочину шарахнулись две бабы в лаптях и овчине, закутанные в теплые платки, с котомками крест-накрест на груди. Застыли, пялясь на экипаж и великолепного рысака.

– Потише, Петруша, – урезонил кучера доверенный правления фабрики, инженер-технолог Александр Найденов и бросил быстрый взгляд на свою спутницу в шарабане. – Скоро приедем, Елена Лукинична.

– Я знаю, что скоро. Я же не впервые здесь.

Елена Лукинична Мрозовская – спутница инженера-технолога – оглядела окрестности.

Поля, поля... Снег уже стаял. Даже в низинах и оврагах днем журчали ручьи. На придорожных кустах набухали толстые коричневые почки. Весна пришла, грачи прилетели...

В Петербурге, откуда она приехала, все еще ночами выл северный ветер и часто шел снег с дождем, а здесь, в провинциальной глубинке, в Горьевске, природа готовилась к новому циклу. Но по ночам пока что случались заморозки. И сейчас, рано утром, среди стылости полей ей было зябко. Она даже жалела, что не взяла с собой шубку. Ехала в Горьевск уже налегке, в дорожном суконном костюме и весеннем пальто. Она придержала на голове парижскую шляпку цвета лаванды – плохо приколола к волосам, шпилька потерялась.

Инженер-технолог Найденов встретил ее в Москве на вокзале с петербургского поезда, нанял носильщиков и помог выгрузить весь ее весьма объемный багаж, все кофры и саквояжи, все оборудование, что она привезла из своего фотографического ателье. Целый день они ждали в гостинице ночного поезда, следовавшего через Горьевск, пообедали в Купеческом клубе.

И все это время Елена Мрозовская не могла сдерживать невольной дрожи, которая охватывала ее с головы до пят, едва лишь мысли начинали вертеться вокруг того, что ждало ее там, на фабрике купцов Шубниковых. Того, что случилось так внезапно полтора года назад. Когда никто этого не ожидал и все впали в глубокий шок от ужаса происшедшего.

– Нет, нет, Елена Лукинична, – уверял ее инженер-технолог Найденов. – В этот раз – ничего даже близкого к тому, что было тогда. Все как в телеграмме, что Игорь Святославович вам послал. Будет назначено новое врачебное освидетельствование в клинике. И не одно. Там же в перспективе каторга пожизненная светит. А так врачи дадут заключение о невменяемости. Но нужны помимо освидетельствования и слов свидетелей еще и другие реальные доказательства – ваши фотографии станут ими. Вы сделаете фото, ну... так скажем... текущего состояния. Которое... Ну, вы сами все увидите.

Елена Мрозовская снова поежилась. И на этот раз не от апрельского холода. Игорь Бахметьев прислал телеграмму-молнию. Посыльного с телеграммой сопровождал курьер – кассир из принадлежащего Бахметьеву Русского Промышленного банка, доставивший ей четыре тысячи рублей наличными, без всякой банковской бюрократии и расписок. Игорь Бахметьев заплатил из своих денег, хотя теперь как опекун и управляющий всего огромного состояния исчезнувшего с лица земли, вымершего рода Шубниковых имел право снимать деньги со всех счетов.

Ну, скажем, почти исчезнувшего, вымершего рода...

Кое-кто из Шубниковых все же остался.

Елена Мрозовская ощутила внезапную тошноту.

Но четыре тысячи рублей! На эти деньги можно арендовать роскошное помещение на Невском под фотоателье. Она уже получила широкую известность, вошла в моду, но позволить себе настоящий, как в Париже, где она училась у знаменитого фотографа-художника Гаспара Надара, оборудованный по последнему слову техники салон, пока еще не могла. Ее ателье на Невском все еще было скромным, маленьким, темным, пропахшим химикатами, с которыми она увлеченно возилась в своей тесной захламленной фотолаборатории.

Женщине всегда трудно пробиваться. Суфражистки, феминистки неустанно призывают на страницах женских журналов вести активный образ жизни, добиваться всего своей энергией и трудом, учиться, получать образование, придерживаться передовых взглядов. Это все хорошо для актрис Художественного театра господина Станиславского, для дам, безумно влюбленных в поэтов Блока и Брюсова, для тех, кто возится с земским благоустройством школ и больниц, для тех, кто хочет поступить на какие-то там высшие курсы.

Но для женщины, горячо интересующейся *техникой*, последними достижениями науки в области химии и фотографии, для такой женщины, как она, – первой в России женщины-фотографа, пробиваться – означает организовывать все с нуля в тех областях, куда прочие женщины даже не суются.

Да, ей повезло, она представляла свои работы на Всемирной выставке, она училась в Париже у мэтра фотографии. Она вложила все свое фамильное наследство в покупку фотографического оборудования. Она работала как лошадь без отдыха.

Этим, возможно, она и привлекла внимание Игоря Бахметьева полтора года назад, когда он так активно готовился к своей свадьбе.

Но кто мог знать тогда, во что это выльется!

Свидетелями какой дикой катастрофы станут они все в мгновение ока! И она в том числе – она, приглашенный модный петербургский фотограф, которая должна была заснять всю эту пышную свадьбу для семейного родового архива. А вместо этого сделала такие снимки, что...

Приступ тошноты едва не перешел в позыв рвоты. Елена Мрозовская быстро прикрыла рот рукой в лайковой перчатке.

Тихо, тихо, тихо...

Она ведь думала, что как-то изгнала это из своей головы. Но нет, все вернулось в этих полях на пути к *фабрике*.

На пути к этой чертовой бумагопрядильной фабрике, которую она возненавидела с тех пор. И этот город... Горьевск...

Ей казалось – она может справиться со всем этим горьевским мраком, который вобрал ее в себя помимо ее воли. За эти полтора года произошло столько всего! Она снова работала как лошадь и преуспела в делах. О да!

Ее теперь даже приглашали ко двору! На зимнем костюмированном балу, ставшем таким знаменитым из-за обилия драгоценностей, жемчугов, великих князей и великих княжон, обряженных в почти сказочные костюмы времен старой Руси, она сделала такие удачные фото-портреты! О них говорил весь Петербург и Москва. Фотографии с костюмированного бала печатали в журналах за границей. Она стала по-настоящему знаменитой. Первая русская женщина-фотограф...

Фотограф-мэтр Прокудин-Горский – этот жалкий завистник и ретроград в области женского равноправия – даже прислал ей букет роз.

Она думала, что все теперь так и будет – прекрасно, отлично. А проклятый Горьевск с его кошмарами и кровью остался где-то там...

Но Игорь Бахметьев прислал ей телеграмму-молнию.

И... она поехала к нему. Побежала, как собачка по щелчку пальцев.

Ему исполнилось сорок два. Полтора года назад он хотел жениться на семнадцатилетней Прасковье Шубниковой, одной из наследниц угасшего в одночасье знаменитого купеческого рода владельцев бумагопрядильной и ткацкой фабрики.

Вон ее корпуса... Уже видны. Огромные кирпичные здания в несколько этажей. И разбитая уездная дорога оживилась. Здесь рядом грузовая станция, фабричная железнодорожная грузовая станция. Свистки паровозов слышны, грохот груженных телег. Телеги с товаром, с продукцией бумагопрядильной фабрики – ткани, знаменитый миткаль. Телеги с грузом из пришедших вагонов – хлопок индийский и американский, хлопок, хлопок, новые английские станки, новая техника, до которой были всегда охочи Шубниковы.

Часы на фабричной башне гулко и мелодично пробили одиннадцать раз.

Звук башенных колоколов накрыл собой все пространство, все окрестности. Инженер-технолог Найденов вытащил собственные часы на цепочке. Сверился.

– Точность, как в аптеке, – сказал он одобритительно.

Елена Мрозовская смотрела на башню.

Какая она все же огромная.

И к месту она здесь...

И не к месту она...

Ей бы стоять на площади, в городе, и не в таком заштатном, как Горьевск...

Часы ее не похожи ни на кремлевские куранты, ни на часы церковных колоколен. Этот европейский... нет, английский стиль. Башню, как и всю фабрику, в середине прошлого века строили англичане. Старый Шубников был большой англофил. Его младший сын Мамонт учился в Кембридже и проходил производственную инженерную практику на фабриках в Бирмингеме. А старший сын Савва не учился в Англии. Говорят, что он вообще не мог...

Мимо шарабана прогромыхали тяжело груженные мануфактурой телеги. На этот раз кучер Шубниковых придержал рысака. Хозяйское добро везут, можно и посторониться.

На бумагопрядильной и ткацкой фабрике трудилось почти пять тысяч рабочих. Фабрика кормила всю округу, всю губернию. Однако в последние годы то и дело вспыхивали забастовки. На фабрику пригоняли казаков, и они пороли непокорный народ как сидоровых коз. В Горьевске людей никогда не жалели. Строптивых – уволить к черту, новых набрать. Рязань пришлет ходоков на производство, ведь на бумагопрядильной фабрике *заработок на полтора рубля выше, чем на кирпичном заводе Рязани*. А за лишние полтора рубля народ окрестный, даже побунтовав, побазарив, охотно подставит голый зад под казачьи нагайки.

Придут к крыльцу управляющего фабрикой. Встанут на колени.

Бунтуют...

День стоят, два стоят. Батюшка, барин... да кака така... Да мы рязанские, стаяяпняаяа...

Да это... того... мы царю... Царь, чай, не дурак, добрый... По монастырям вон ездит... Все с иконами да попами, такой богомол стал, все про исконные традиции... Все на Валаам норовит...

Где-то она слышала или читала этот печальный *анекдот про народ*. От этой овечьей народной тупости у Елены Мрозовской порой сводило челюсти. А что тут сделаешь?

– *А лучше, что ли, если они во время стачки, бунта все здесь поломают, изгадят, разрушат к черту?*

Это спрашивал у нее он... Игорь Святославович Бахметьев. Игорь... Она увидит его снова через полтора года. Через эти полтора страшных года, перевернувших его жизнь.

Шарабан свернул с разбитой проселочной дороги на дорогу фабричную. И покатился ровно и быстро. Дорогу к фабрике и железнодорожным путям проложили хорошую. На повороте инженер-технолог Найденов придержал один из больших тяжелых кофров Мрозовской. Из-за оборудования им вдвоем еле хватало места в просторном шарабане. В кофрах Елена

Мрозовская везла с собой складной фотоаппарат Адольфа Мите на увесистой треноге и одну из своих самых любимых моделей – новую репортерскую пресс-камеру, тоже на треноге. Она решила использовать оба этих новых фотоаппарата. Складной фотоаппарат Мите делал невероятно продвинутые вещи: последовательную съемку через один объектив на удлиненную фотопластину. Венские ортохроматические пластины Мрозовская тоже везла с собой – солидный запас. Она всегда теперь с ними работала. Они обладали сверхчувствительностью и не подводили даже при недостатке освещения.

А там ведь будет мало света... Окна они, наверное, закрывают ставнями... Там же что-то вроде больницы или тюрьмы... Они же не в особняке держат... В особняке Шубниковых электричество. А там только керосиновые лампы...

Игорь Бахметьев попросил в телеграмме взять максимум оборудования для фотографирования и печатания снимков. Ей придется работать в Горьевске в той же лаборатории, которую Бахметьев сразу же организовал в особняке. Он ей принес туда кое-что из семейного архива Шубниковых. Старые монохромные фотопластины-негативы. И ей пришлось тогда повозиться...

С чем же мы имеем дело?

Сколько раз тогда Елена Мрозовская задавала себе этот вопрос, чувствуя, что внутри нее все сжимается и леденеет.

Что же происходило и происходит здесь, в Горьевске, тогда и сейчас?

Шарабан въехал на фабричный двор, заполненный рабочими. Инженер-технолог поднял кожаный верх, скрывая себя и Мрозовскую от любопытных взглядов рабочих.

– С дороги, с дороги! – снова пронзительно крикнул кучер.

Рысак фыркал и бил копытами. Они рассекли толпу и помчались мимо башни с часами.

– В город? Неужели это в особняке? – удивилась Мрозовская.

– Нет, здесь неподалеку есть дом. – Инженер-технолог Найденев указал куда-то вперед. Блеснула узкая речка в сухих, оставшихся еще с зимы камышах.

Елена Мрозовская увидела приземистый одноэтажный дом с белыми колоннами. Сам он был выкрашен в ядовито-желтый уездный цвет.

Шарабан въехал во двор. На крыльце выстроились мужчины в прекрасно сшитых черных суконных костюмах. Не врачи.

Мрозовская узнала их всех. Руководство фабрики. Управляющий мануфактурой Бэзил фон Иствуд – англичанин, именуемый на русский манер «Василь Василичем», управляющий ткацким производством немец Иосиф Пенн. Они работали на фабрике и управляли производством много лет, с тех пор когда все еще были живы – и Мамонт Шубников, и его брат Савва, и его жена Глафира, и Прасковья, и...

– Елена Лукинична, с приездом! – приветствовал ее Игорь Бахметьев.

Он спустился с крыльца первым, а управляющие вслед за ним. Елена Мрозовскаяглянула на него из-под вуали. Он изменился за эти полтора года, осунулся. Но был все так же привлекателен и силен – и духом, и телом.

Взгляд...

Легкая седина на висках, как иней. Широкие плечи. Крупные руки. Он никогда не чурался тяжелой работы. Хоть и банкир, финансист, промышленник, купец, но по образованию тоже инженер. Техник... Они все были помешаны на технике. Они верили в прогресс.

Они не верили в дьявола.

Как же случилось, что дьявол заглянул им всем прямо в глаза?

– Елена Лукинична, спасибо, что приехали так быстро, – он взял ее руку и поцеловал.

Она в этот миг увидела себя как бы со стороны: крупная, молодая, физически здоровая и сильная женщина, способная таскать на своих плечах тяжелые деревянные треноги для фотоаппарата. Полная для своих лет – в корсет приходилось буквально утягиваться, чтобы телеса

не выпирали. Да, у нее прекрасная кожа и отличные волосы, темные как смоль. И она умна как черт, болтает по-французски и по-немецки. Учит английский, потому что надо читать технические инструкции американской фирмы «Кодак». Она первая женщина-фотограф в России и теперь знаменита, да...

Но достаточно ли всего этого для того, чтобы он увидел в ней не просто технический персонал, профессионала-фотографа, которого нанял для дела за столь высокую плату? Достаточно ли всего этого, чтобы он увидел в ней женщину, влюбленную... О, черт!

Ведь она приехала сюда к нему и готова была снова окунуться в здешний кошмар лишь потому, что это он позвал ее.

– Я получила вашу телеграмму, Игорь Святославович, – произнесла она сухо и деловито. – Произошло что-то экстраординарное, да?

– Мне нужно, чтобы вы сфотографировали ее такой, как... Какой она порой бывает.

– Для врачебного освидетельствования? И только?

– Не только.

– Мне надо выгрузить и наладить оборудование.

– Это потом, – он как джентльмен помог ей выйти из экипажа. – Сначала вы должны увидеть... Это может занять какое-то время. Весь процесс фотографирования. Мы же не знаем точно, когда и как это произойдет.

– Когда накатит, – сказал управляющий мануфактуры фон Иствуд мрачно и без всякого иностранного акцента.

Елена Мрозовская взглянула на дом с колоннами. Он стоял почти у самой реки.

Внезапно там, в глубине дома, в анфиладе комнат, кто-то протяжно и страшно закричал, словно дикий зверь, словно чудовище, посаженное на цепь.

Глава 4

Горьевское горе

– Это фотограф, – повторил толстяк-полицейский. – У него фотоателье в доме быта – каморку там снимает, закуток. И фамилия его Нилов.

– Почему вы сразу мне не сказали? – рассердился полковник Гушин.

– Он не из города, – гнул свое толстяк, дыша чесноком. – Месяца три всего работает. Но уже успел прославиться, накуролесить.

Катя, до сих пор не проронившая ни слова, хотела было спросить, как это – накуролесить. Но полковник Гушин опередил ее, сказал громко и вроде как совсем не по теме:

– Дайте мне взглянуть на его сумку с инструментами.

Эксперт кивнул на патрульную машину – упакованные вещдоки складывали туда.

Полковник Гушин, не снимая резиновых перчаток, возился с обычной на вид сумкой-рюкзаком – и так и так можно носить, а внутри звякают железки. Он осмотрел ручную дрель, долото и еще какой-то инструмент типа зубила.

– Фотограф, не слесарь же, – заметила Катя. – Взломал замок... Зачем? Там, внутри, ничего нет, кроме мусора. Клад, что ли, искал в заброшенном доме?

– Следы известки на инструментах, – констатировал Гушин. – Однако уложены они в сумке так, словно ими не пользовались.

Он подошел к толстяку, закурившему на вольном воздухе сигарету и молчаливо наблюдавшему за оперативной суетой, словно он не участник процесса, а уличный зевака.

– Кто сейчас исполняет обязанности начальника ОВД? – спросил Гушин.

– Назначенный приказом из Главка Борис Первоцветов. Он по званию всего лишь капитан, откуда-то с гражданки пришел в экономический отдел несколько лет назад. Ваши же его и прислали нам, главковские. Он розыска настоящего и не нюхал никогда.

– А с эпопеей вашей что?

– С эпопеей? – Глаза толстяка блеснули. – С горем-то нашим, злосчастьем? А то типа вы не знаете?! Чего притворяться-то? Вся область знает.

– Новости есть? – тихо и настойчиво осведомился Гушин.

– Какие новости, если посадили их всех скопом? Всю эту нашу, как она называется... элиту... головку властную на хрен. Борьба с коррупцией. – В глазах толстяка теперь плясали чертики – веселенькие такие, хищные. – Зараз приехали сами знаете кто, сами знаете откуда – хватить за жопу начальника ОВД, и обоих замов, и начальника розыска, и его замов. Чего-то там крышевали, мол, махинациями занимались. Говорят, прокурор настучал. А начальник розыска Толбаев молчать в отместку не стал – показал на допросе, что жена прокурора спит с начальником нашего ГИБДД. Прокурор хлебнул валерьянки с виски, достал табельный из сейфа и поехал разбираться. Пулю в жену вогнал, пулю в гаишника – прямо их там, на рабочем месте, в управлении, порешил. И в себя стрелял. Гаишника убил наповал, жена жива, а сам в реанимации к аппарату подключенный лежит, бревно бревном. Начальников ОВД дважды уже назначали – так рапорты все на стол кидают. Увольняются на хрен. Никто не хочет в такой обстановке пахать. Никто руководить не желает. И мой рапорт давно подписан. У меня выслуги тридцать лет. На черта мне все это надо?

– Борьба же с коррупцией, – нейтрально заметил Гушин.

– Угу. А кто «против»? Все «за». Тремя руками. Только бегут все из ОВД. У нас тут сто первый километр. До Москвы хоть и долго, но все же как-то допрешь, можно устроиться, работу нормальную найти. А здесь при таком отношении скоро шаром покати в смысле кадров

будет. И в смысле элит тоже. Ну ладно, я пошел, бон суар... Вы тут раскрывайте, а меня это уже не касается.

– Как это не касается? Убийство же! – воскликнула Катя.

– У меня рапорт на увольнение подписан, и удостоверение у меня первым делом отобрали, как рапорт подписали. Я свою службу закончил.

– Где найти нынешнего нового начальника ОВД Первоцветова? – мрачно спросил Гушин.

– Был здесь. Покрутился, повертелся, а что он соображает в осмотре убийства? Поехал домохозяйку фотографа допросить. Фотограф комнаты снимал.

– Какой адрес?

– Пятнадцатое домовладение, это частный сектор. Нилов жил у Добролюбовой Маргариты. У Маргоши. Отсюда в сторону города и поворот на частный сектор. Улица Труда.

Полковник Гушин все так же мрачно кивнул Кате – идем. Они сели в машину, оставив разобщенную и неслаженную команду горьевских полицейских отрабатывать старый дом.

– Что, совсем никакого начальства нет? – спросила Катя, пока они на внедорожнике месили грязь проселочной дороги.

– Всех посадили. Прокурор застрелил соперника. Процент увольнений в ОВД подскочил до шестидесяти процентов.

– Но убийство же, Федор Матвеевич!

– Что ты ко мне пристала?

Катя прикусила язык. Она даже на окрестности не смотрела. Видела лишь мельком вдали, в ступившихся сумерках, что-то высокое, темное. Что-то нависшее над плоским Горьевском, словно гора.

Частный сектор представлял собой запутанный лабиринт почти дачных улиц, где добротные большие дома за аршинными заборами чередовались с развалюхами в три окна, а кирпичная кладка и новые автоматические ворота торчали напротив заросших палисадов с покосившимся штaketником и сеткой-рабицей.

Еле-еле отыскивали эту улицу Труда. И дом пятнадцатый. И то лишь потому, что возле него застыла полицейская машина с мигалкой. И еще одно авто – серебристая иномарка-пикап, в салоне которой на месте пассажира скучал молодой парень – почти мальчик на вид с темными кудрявыми волосами.

Дом из белесого силикатного кирпича выглядел неприветливо: тусклые немые окна, старый шифер. А двор, огороженный сеткой-рабицей, напоминал не убранный на зиму огород-помойку. Грядки, обрамленные битым шифером и кусками ржавого железа, грядки, грядки. Черная земля. Чеснок еще не выкопали. На дорожке валяется старая обувь, обрезанные пластиковые бутылки, железные банки из-под краски, которые используют в деревне для рассады. Не дачный, нет, нищий деревенский быт.

У настежь распахнутых ворот – трое. Пьяная вдупель женщина в спортивном костюме и замызганной болоньевой куртке – растрепанная, опухшая, за пятьдесят, еще одна женщина – трезвая, гораздо старше, под семьдесят, с темными крашеными волосами, ярко и густо накрашенная сама, благоухающая духами, одетая в дорогую итальянскую накидку-капу из черного сукна, узкие джинсы и щегольские рокерские сапожки не по возрасту. И худощавый, даже изящный, но крепкий капитан полиции в форме.

– Маргоша, я тебе продуктов привезла. Мы с рынка едем с Макаром, – наряженная, надушенная пожилая дама совала в руки растрепанной пьянице туго набитые сумки-пакеты. – Бери, бери. Надо есть. А то пьешь все. Это, конечно, ужасно, что квартиранта убили. Но ведь сейчас время такое. Всех не оплачешь. Маргоша, ты слезы-то вытри, пойди лучше поешь. Я там колбаски тебе купила.

– Да жалко его, Мария Вадимовна, Маша, у меня сердце болит! Парень вежливый, безобидный. За месяц вперед мне за комнаты заплатил, – пьяная Маргоша начала рыдать в голос. – Убийиинииии! Вот людиииии... Скотыыыыы.

– Успокойтесь, пожалуйста, – увещевал ее капитан полиции. – Комнаты его можно осмотреть?

– Капитан Первоцветов? – окликнул его полковник Гушин.

Вся троица уставилась на них с Катей. Гушин официально представился.

– Ох, хорошо, что вы приехали! – Лицо капитана Первоцветова выразило облегчение. – Из Главка помощь. Нам помощь здесь так нужна!

– Еще менты? А пошли вы... – Маргоша всхлипывала, давилась рыданиями.

– Фотограф Нилов у вас снимал жилье? – сердито спросил полковник Гушин.

– Ну, снимал. Что, нельзя, что ли?

– Можно. Как давно он у вас поселился?

– Три... Нет, три с половиной месяца. Летом приехал.

– Кто его убил? – спросила пожилая нарядная дама. – Я соседка, живу в конце улицы. У меня здесь дачка. Меня зовут Молотова Мария Вадимовна. Маргарита – моя давняя знакомая. А квартиранта ее я видела лишь мельком, редко. Он в городе работал, в фотоателье.

– Мы занимаемся расследованием убийства, – вежливо ответил ей полковник Гушин. – Велосипед у вашего квартиранта имелся?

– Имелся, – Маргоша все пьяно плакала. – С собой его привез. Из Москвы.

– Он московский?

Пьяная не ответила, лишь зарыдала сильнее.

– Он до Горьевска вроде как жил и работал в столице, – ответил капитан Первоцветов. – Но это еще предстоит выяснить. Сейчас сотрудники приедут, надо провести обыск в его жилище. Нам нужен его паспорт. Для официальной идентификации. Там, на месте убийства, при нем ведь никаких документов не оказалось.

– Вы когда его видели в последний раз, Маргарита? – спросил Гушин.

– Вчера.

– Когда точно? Днем, утром, вечером?

– Утром он ушел, как обычно, уехал на велосипеде на работу. Вернулся к вечеру. Повозился, повозился и снова отчалил на велосипеде. Стемнело уж.

– Он у вас инструменты не брал?

– Инструменты? А, это... От мужа разный хлам остался, он сам что-то выбрал в чулане.

– Он уехал поздно вечером на велосипеде и взял с собой инструменты? Дрель, да? Долото?

– Да не знаю я! Я спать уже легла.

– Можно взглянуть на его комнату?

Марго, пошатываясь, двинулась к дому, они за ней. Нарядная дама осталась у калитки, глядела им вслед.

В доме пахло перегаром, пылью и нестираной одеждой. Но сам дом оказался просторным – некогда обжитым, но сейчас крайне запущенным и грязным. Катю поразила одна деталь: на комод стояло множество фотографий в изящных рамках в окружении вазочек с засохшими цветами. Все это не вязалось с остальной разрухой и бедностью – эти стильные дорогие рамки из дизайнерского магазина и эти вазочки, столь же стильные, дизайнерские, недешевые. Среди засохших цветов Катя увидела даже орхидеи, упакованные в пластиковые коробочки. Пластик давно помутнел, орхидеи скукожились. Но сам вид этих дорогих цветов в этой халупе...

Впрочем, вид двух комнаток, которые снимал фотограф Нилов, оказался гораздо приятнее. Собственный вход со двора, как на дачах – что-то вроде прихожей, в которой одежда и две большие спортивные сумки. Много мужской обуви. Жилая комната чистая, убранная,

пол подметен. Деревянная кровать, на ней новый матрас из ИКЕА и чистое постельное белье оттуда же. Небольшой телевизор, кофеварка на столе, электрическая плитка, пакеты с соком. И на старом диване – сумки, чехлы с фотоаппаратурой.

– Это все его добро? – спросил Гушин.

– С собой привез, – домохозяйка Маргоша всхлипнула. – Тихий, как мышонок, был. Запрется и что-то там на компьютере себе гоношит.

Катя увидела на столе рядом с кофеваркой ноутбук.

– Здесь надо тщательно все осмотреть, – сказал Гушин капитану Первоцветову.

– Я позвонил, они уже едут.

И действительно, у дома остановилась еще одна полицейская машина. Из нее вышли оперативник и тот самый эксперт, что работал на месте убийства в доме.

Гушин ни до чего в комнатах фотографа дотрагиваться не стал. Казалось, его интересовало сейчас нечто совсем иное.

– Кто тело обнаружил? – спросил он.

– Братя Шишины.

– Бомжи, что ли?

– Дети. Старшему десять лет, младшему восемь, – вздохнул Первоцветов. – Я с ними разговаривал. Они шастали возле дома, у реки. Понесло их к этому самому дому. Зачем – сказать не могут. Сказали лишь – дверь была открыта, они зашли, а он там. Мертвый. Дети сильно испугались.

– Вы раньше никогда не работали в уголовном розыске, капитан?

– Нет. Я семь лет проработал в банке. А потом поступил в полицию, в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Финансы и аудит, компьютерные базы. Я здесь, в городе, всего третий месяц.

– Но Дом у реки уже знаете.

Капитан глянул на Гушина. В глазах у него, как и у бывалого пропитого толстяка-профи, появилось странное, очень странное выражение, которое невозможно описать словами, можно лишь подивиться.

– Это здешняя достопримечательность.

– Давайте вернемся туда, еще раз осмотрим эту вашу достопримечательность, – предложил ему Гушин. – Здесь с обыском и осмотром ваши подчиненные и без нас справятся.

Они все втроем погрузились в машину Гушина. Пьяница-домохозяйка осталась в доме с прибывшими полицейскими. А вот нарядная дама по имени Мария Вадимовна Молотова проводила их долгим любопытным взглядом. Затем она ловко угнездилась на водительском сиденье своей иномарки, завела мотор и сказала что-то ожидавшему ее юному красавцу.

Серебристая иномарка развернулась и поехала в конец улицы Труда, скрылась за поворотом.

Глава 5

Вспоротая обшивка

Тело фотографа Нилова уже погрузили в пластиковом мешке в «Скорую», но черная кровавая лужа осталась. Кате, когда они снова вошли в Дом у реки, показалось даже, что лужа увеличилась в размерах, стала больше. Но это, конечно, был оптический обман. Уже стемнело, и внутри дома катастрофически не хватало света. Два мощных фонаря в руках полицейских не могли прогнать тьму, которая гнездилась в углах и почти осязаемо наполняла собой анфиладу комнат.

Полковник Гуцин спросил капитана Первоцветова, как звали фотографа Нилова.

– Денис, – ответил тот, не отводя взгляда от желтого круга света полицейского фонаря, что скользил по замусоренному полу.

Полковник Гуцин взял у полицейского фонарь и, направив его в сторону темной анфилады, прошел в глубь дома. Катя следовала за ним как тень. Она видела: Гуцин на чем-то сосредоточен и никак не может выбросить это из головы.

– Остатки голландкой печки, – объявил он вдруг, направляя свет в угол одной из комнат.

Катя увидела серую, покрытую паутиной и выщербленами трубу, утопленную в стене. Угол загромождала груда битого кирпича, и среди кирпича белели осколки кафельной плитки.

– Дымоход сохранился, остальное все разрушено. Старинная вещь – голландка, облицованная плиткой. – Гуцин подошел к стене, постучал. – Ничего не замечаешь?

– Нет, Федор Матвеевич, – призналась Катя. – Жутко здесь.

– Голландки порой строились в особняках так, чтобы одновременно нагревать смежные комнаты. Здесь дымоход и то, что осталось от самой печки, но там, – Гуцин вернулся в комнату, соседнюю с той, где было обнаружено тело, – никаких признаков, что за стеной печь. Да и сама стена...

– Сама стена – что? – Катя заворуженно следила за светом гуцинского фонаря.

– Неужели не видишь? Присмотрись. – Гуцин махнул рукой в сторону анфилады. – Эта комната значительно уже, чем та, где печь, чем все остальные в этом доме, кроме той, где лежал труп.

Если честно, Катя ничего такого не заметила ни в первое посещение дома, когда все ее внимание было сосредоточено на трупе с разможенным черепом, ни сейчас, когда в Доме у реки становилось все темнее и темнее.

– Это же дом с мезонином, – продолжал Гуцин. – Центральная часть и как бы два флигеля. Комната, где нашли Нилова, и соседняя – как раз центральные в анфиладе, и они уже остальных.

Он вернулся в первую комнату, старательно обошел лужу запекшейся крови и вплотную приблизился к стене.

Провел по ней ладонью, точно гладил. Он водил по стене ладонью, ощупывал. Внезапно его рука застыла на месте.

– Выбоина. Нет, это дырочка, и здесь, и здесь. Примерно на равном расстоянии. В стене высверливали дырки.

– Нилов? – спросил Первоцветов. – Но его инструменты находились в сумке, когда мы начали осмотр. Сумка с застегнутой молнией. Я решил, что он убрал инструменты в сумку, как только взломал на двери замок.

– У него вся одежда спереди в строительной пыли, известке и кирпичная крошка в волосах, – ответил Гуцин, продолжая ощупывать стену. – И здесь отверстие, а вот здесь выбит

кусок кирпича. Это уже не дрелью, а зубилом поработали и молотком. Он тут шуровал, возле стены, когда его убили.

Капитан Первоцветов постучал по стене.

– Не слышно пустот. А инструменты находились в закрытой сумке.

Гущин сунул ему полицейский фонарь и молча развернулся к выходу. Катя опять устремилась за ним. Ее охватило дикое любопытство.

«Он думает, что фотограф приехал сюда ночью искать старинный клад. А с какой стати его еще могло принести в эти развалины? Инструмент, строительная пыль... Он искал тайник!»

Гущин вместе с шофером рылись в багажнике внедорожника. Катя знала: гущинский водитель, наученный оперативным опытом, возит с собой много всего. Шофер извлек из багажника тяжелый молоток, нашел еще какую-то короткую железку.

Они с полковником вернулись в дом. Гущин попросил Первоцветова и полицейских светить на стену. Взял в руки железку и начал стучать по стене, ощупывая высверленные отверстия рукой.

– Здесь... Нет, здесь... Вот здесь, – он кивнул водителю.

Тот размахнулся и ударил молотком в стену. Посыпались пыль, осколки кирпича.

– Дай я сам. – Гущин выхватил у него молоток и с силой саданул по стене.

Пятна фонарей дергались на темном фоне, лицо Гущина излучало азарт. Кате показалось, что в этом неверном свете, который через силу боролся с ночной тьмой, черты лица полковника, да и черты лица капитана Первоцветова, искажаются. Слишком бледные на фоне мрака, как маски, и словно у масок – черные провалы глаз и черные линии...

Удар по стене!

Еще удар!

Выскочил кирпич.

Еще удар со всего размаха.

По лицу Гущина струился пот, лысина блестела. Он тяжело дышал от усилий, и лупил, и лупил по кирпичной кладке.

Во всем этом было что-то... первобытное. Не совсем нормальное. Катя никак не могла отделаться от этого чувства.

Удар по стене!

С шорохом посыпалась старая штукатурка, сразу три кирпича выскочили из стены. И в образовавшейся дыре луч полицейского фонаря наткнулся на чернильную тьму.

Капитан Первоцветов не выдержал – он подскочил к стене и начал руками расшатывать кирпичи, цепляясь за край образовавшейся дыры. Станный, нездоровый азарт словно и его заразил. Он буквально вырвал из стены еще один кирпич.

И в этот момент Гущин засадил молотком в стену с такой силой, что там, внутри, что-то треснуло, и кирпичи градом посыпались на пол.

Образовалось отверстие, достаточно широкое, чтобы туда можно было просунуть голову.

Кате отчего-то от этой мысли стало зябко.

В одном лишь Гущин не ошибся: за стеной скрывалась пустота. Тайник?

Все они сгрудились возле зияющей дыры. Катя держалась за спиной полковника Гущина, выглядывая, как белка из дупла. Оба полицейских фонаря направили в отверстие.

– Комната, – сказал Гущин, – замурованная комната.

И точно, это была комната, и весьма внушительных размеров. Первое, что бросилось Кате в глаза, когда луч фонаря уперся в противоположную стену этой тайной комнаты, – заложенное кирпичом, забранное заржавевшей решеткой окно. На подоконнике – толстый слой пыли. Свет фонаря скользил по полу – здесь все еще сохранился наборный дубовый паркет, но он стнил и почернел от сырости и весь, словно коростой, был покрыт плесенью. Стены комнаты покрывала

штукатурка, тоже вся в пятнах плесени, в углу еще сохранились остатки старых обоев – некогда темно-синих, с узором из королевских лилий. В середине комнаты что-то громоздилось.

Фонарь осветил это – развалившийся, сгнивший от времени большой диван, некогда обтянутый черной лайковой кожей. Пухлые валики с «гвоздиками», кожаные подушки. Мебель начала прошлого века. Кожа на спинке дивана висела ключьями. Она была разодрана – на темной поверхности четко выделялись пять параллельных борозд, вспоровших кожаную обшивку.

На паркете рядом с диваном валялись скомканные тряпки – истлевшие и покрытые плесенью, они все еще хранили на себе темные пятна, потому что были буквально пропитаны чем-то...

– Ну и воняет здесь! – заметил капитан Первоцветов.

Запах был действительно ужасный. И какой-то вкрадчивый – въевшийся и в стены, и в пол, и в распоротую, словно когтями, кожу дивана, но не резкий, не шибящий в нос сразу, а словно дурманящий вязким древним смрадом, вызревшим от времени, как дьявольские духи.

В углу, рядом с заложённым кирпичами окном с решеткой, в этой пустой заброшенной комнате находился еще один предмет – деревянное кресло-каталка. Грубое и нескладное, похожее на нелепый трон.

С обеих сторон к спинке кресла и поручням были приделаны широкие, некогда очень крепкие ремни из сыромятной кожи, ныне истлевшие, как и пропитанная бурой жидкостью ткань старых тряпок. Ремни с медными пряжками, чтобы удерживать того, кого, усмиряя, усаживали в это кресло, привязывая намертво к дереву.

Полковник Гуцин смотрел на кресло с ремнями, на сгнивший диван со вспоротой обшивкой.

– Это очень старые вещи. Но это мусор. Здесь нет ничего ценного, – сказал он. – И тем не менее ваш фотограф Нилов искал здесь, в доме, именно это. Высверливал дырки, ища место, где удобнее сделать пролом. За этим занятием его и застал убийца. И он постарался, чтобы на дырки в стене никто не обратил внимания. Уложил инструменты Нилова обратно в сумку, словно ими здесь, в комнате, и не пользовались.

Глава 6

Комната

11 апреля 1903 года

В доме пахло куриным бульоном, жасминовой эссенцией и чем-то гадким – словно только что пронесли по анфиладе комнат не закрытый крышкой фарфоровый ночной горшок.

Игоря Бахметьева, управляющих, инженера-технолога Найденова и Елену Мрозовскую встретила в дверях молоденькая горничная в крахмальном фартуке и наколке на волосах – Мрозовскую поразил ее затравленный вид. Она приняла у Мрозовской пальто и шляпку. Кроме вешалки, в комнате не было никакой мебели. Как, впрочем, и в соседней.

В третьей комнате у стены стояла кожаная банкетка, а у окна – бюро-конторка. Здесь пришедших встретили две крепкие на вид сиделки, выписанные Бахметьевым из московской клиники. Они походили на переодетых мужчин – с грубыми лицами, широкими плечами и сильными руками. Рукава их форменных серых платьев были засучены до локтей.

Из глубин дома все сильнее и сильнее пахло куриным бульоном. Где-то там обустроили кухню.

Елена Мрозовская настороженно прислушивалась. Тот жуткий крик, что она услышала на крыльце. И не человек то вовсе кричал, человеческое горло не может исторгать таких криков. Так, верно, ревели доисторические ящеры с ужасными зубами, которых она видела на картинках в альбомах, когда делала фотографии в Музее естественной истории в Париже.

– Все-таки я сразу хочу наладить оборудование, – сказала она окружающим ее мужчинам.

Они все сами несли ее кофры с фотоаппаратурой, в этом доме обходились без прислуги. Кофры поставили на пол у банкетки. Мрозовская открыла их и начала собирать фотоаппарат Мите. Она вначале хотела воспользоваться именно им – последовательная съемка, сразу несколько кадров. Высокая светочувствительность. После яростного вопля, который потряс ее, она хотела быть готовой к тому, что увидит – и вживую, и через фотообъектив. Инженер-технолог Найденов и управляющий фон Иствуд помогли ей.

Когда фотоаппарат был готов и водружен на тяжелую треногу, Игорь Бахметьев указал в глубь анфилады. И в этот момент дом накрыл...

Нет, не новый невообразимый крик, а мелодичный гул башенных колоколов.

Часы на башне бумагопрядильной фабрики купцов Шубниковых пробили один раз.

Словно начало начал...

Начало времен...

Елена Мрозовская подумала это про себя и пошла за Игорем Бахметьевым туда, куда он звал ее.

В следующей комнате первым, что увидела Мрозовская, было деревянное кресло-каталка – новенькое, с тугими сыромятными ремнями, какие используют во всех психиатрических больницах. Здесь же у стены стоял шкаф с лекарствами. Комната имела чудной вид – посредине шла кирпичная переборка с крепкими дубовыми двустворчатыми дверями, окованными железными скобами и снабженными двумя английскими замками и засовом.

Мрозовская взяла у инженера Найденова тяжелый фотоаппарат и установила в шаг от дверей. И лишь сейчас обратила внимание на окна во всех комнатах – на них внутри стояли крепкие решетки. Дом-тюрьма... Дом у реки...

– Павлина, откройте. – Игорь Бахметьев кивком указал сиделке на дверь. – Как она сегодня?

– Как и вчера. Не слишком хорошо.

Вторая сиделка тут же заняла место у дверей, рядом с коллегой. Звякнул засов. Двустворчатые двери распахнулись.

Елена Мрозовская прильнула к фотоаппарату, готовясь сразу снимать – все, все, что обнаружится там, в комнате.

Серый свет пасмурного дня, льющийся в окно, забранное толстой решеткой. Резкий запах жасминовой эссенции, смешанный с тошнотворной, но едва уловимой вонью невымытого ночного горшка. Огромный шкаф с распахнутыми дверями, набитый... платьями разных фасонов – от утренних, пастельных тонов, до вечерних, из бархата и шелка. По паркетному полу разбросаны шляпки. Здесь же, на полу, валяются жемчужный браслет и скомканные нижние юбки. С оконного шпингалета свисают черные ажурные шелковые чулки. В глубине комнаты – широкая кровать с атласным покрывалом, замаранным желтыми пятнами мочи, подушки, подушки. На полу у кровати – дорогой персидский ковер. На нем разбросаны книги. Некоторые с вырванными страницами, другие вообще выдранные из переплетов, но третьи – аккуратные на вид, словно их только что читали, раскинувшись на ковре.

Бок кафельной голландской печи, вделанной в стену.

Посреди комнаты – не у стены, как в обычных домах, а именно в центре – большой кожаный диван, обтянутый тончайшей черной лайкой. Дорогой, роскошный предмет обстановки. Но кожа на спинке дивана висит клочьями – она словно вспорота острыми когтями. Пять параллельных борозд.

На диване, откинув на пухлый валик голову, лежала девушка, совсем юная на вид. Лет семнадцати. Она устроилась головой к дверям и так, через голову, глядела на вошедших. Волна густых прекрасных русых волос струилась вниз, падала на ковер.

Елена Мрозовская как фотограф разом оценила мизансцену и кадр и моментально сделала снимок.

– Здравствуй, Аглая, – спокойно сказал Игорь Бахметьев.

Светлые, слишком уж светлые и прозрачные, как слюда, глаза девушки уставились на них, закатившись под лоб. Смазанное движение гибкого тела, почти неуловимое глазу, – и вот она уже сидит на диване, обернувшись к ним.

– Здравствуйте. Сколько же вас сегодня.

Светлые глаза выбрали из всех Елену Мрозовскую.

И она ощутила знакомую тошноту.

Аглая... Полтора года прошло.

Аглая... Семнадцать лет ей теперь исполнилось, младшей сестре. А полтора года назад семнадцать было Прасковье – старшей. И она готовилась к свадьбе с Игорем Бахметьевым.

Аглая... Последняя из рода купцов Шубниковых, хозяев фабрики и башни с часами. Та, что осталась, единственная из всех.

– Господа, проходите, что же вы застыли в дверях! – самым светским тоном прошебетала Аглая. – И вы приехали, Елена Лукинична!

– Да, приехала. Здравствуйте, Аглая, – Мрозовская заставила себя произнести это вежливо и спокойно.

– И это ваша штукавина здесь с вами, – Аглая кивнула на громоздкий фотоаппарат Мите. – Вы снова будете меня фотографировать?

– Если позволишь.

– О, конечно, конечно, – Аглая закивала. – В прошлый раз вы сделали столько фото! И отличных. Только вот показали мне почему-то не все, – она облизнула губы крохотным розовым язычком.

Встала с дивана.

Мрозовская отметила про себя, что, кроме белого кружевного платья, на Аглае нет ничего – ни корсета, ни панталон, ни чулок. Платье надето прямо на голое тело. Ноги босы.

Сквозь тонкую ткань среди рюшей и кружев четко проступали круглые, как яблоки, груди Аглаи, и были видны твердые соски.

– В прошлый раз вы говорили, Елена Лукинична, что я похожа на молодую Сару Бернар, только я светловолосая. А помните, вы рассказывали, как Сара Бернар девочкой уговорила мать купить ей гроб и ложилась в него? И фотографировалась?

Мрозовская ощутила, что ее тошнота усиливается. Да, она рассказывала об этом сестрам Шубниковым. Ох, вот дура, хватило же ума говорить о таком с ней...

Мрозовская стояла возле фотоаппарата, положив руки на штатив, мужчины, пришедшие с ней, хранили молчание.

– Они меня рады живой в гроб упечь и зарыть, – светским тоном пожаловалась Аглая. – Избавиться от меня.

– Аглая, не говори ерунду! – хрипло возразил Игорь Бахметьев.

– Игорь, а что ты на меня так смотришь? Я из гроба-то вылезу. Думаешь, куда мне лучше кол вонзить, да? В живот или сюда? – Аглая положила узкую ладонь на плоский живот, затем на упругую грудь. – Или, может, сюда? Этого ты хочешь, Игорь, да?

Она внезапно ухватила за подол кружевного платья и резким жестом вздернула его вверх, обнажая ляжки и лобок – нежный, как бутон, заросший волосами.

Никто из мужчин не проронил ни слова. Лишь покраснели все как раки. Мрозовская не сочла возможным фотографировать этот непристойный момент. Хотя фото должны были послужить доказательствами будущего врачебного освидетельствования и вывода о невенности, но не порнография же!

Кроме того, сейчас Аглая не производила впечатление невеняемой.

Но тот жуткий крик...

Неужели это она так кричит?

А сейчас щебечет, как парижская шлюха.

– Сюда вгони свой кол, Игорь, – Аглая показывала лобок. – Будет сладко и больно. И кровь потечет. А потом закопай меня в красивом гробу. И я вылезу из него, разорву крышку зубами, rrrrrrrразорrrrrrvу...

– Аглая, прекрати, успокойся! – резко одернул ее Игорь Бахметьев.

– Что же вы не фотографируете меня, Елена Лукинична? – весело, озорно осведомилась Аглая, поворачиваясь к Мрозовской розовой упругой попкой. – Я же стараюсь для фото. Или это для вас чересчур? Шокирует, да? Но я же, по вашим словам, точь-в-точь как Сара Бернар! А это правда, что, когда она играла Клеопатру на сцене театра Шатле, elle a copule avec Anthony sur la scène sur un lit de roses? ¹

Ее французский был безупречен.

Дом снова потонул в мелодичном гуле башенных колоколов. Часы на фабричной башне отбивали четверть второго. И под этот звон Аглая, опустив наконец подол платья, начала медленно грациозно танцевать, кружась по персидскому ковру.

– А помните, Елена Лукинична, как мы танцевали тогда? – спрашивала она в такт. – Помните нас? Как мы танцевали... с ней? А вы нас фотографировали и фотографировали. Меня и ее. Ее и меня. Игорь, ну что ты опять на меня так смотришь? Я тебе нравлюсь, да? Скажи, скажи это при всех. Осмелься наконец признаться, что ты всегда хотел меня больше, чем ее!

Башенные часы умолкли. Аглая застыла на месте. Словно завод у механической куклы закончился. Она глубоко вздохнула.

¹ «Она совокуплялась с Антонием на сцене на ложе из роз?» (фр.)

– Ах, Игорь, какой же ты трус! Ты не мог признаться и в том, что был влюблен в мою мать, хотя все это знают. – Ее голосок по-детски обидчиво дрогнул. – Скучно с вами, господа. Такая скука... Ну чего вы явились ко мне? Вы мне неприятны. Лучше почитаю книжку.

Она нагнулась и подобрала с персидского ковра растерзанную книгу.

Елена Мрозовская глянула на Бахметьева. Тот изо всех сил пытался держать себя в руках. Она спросила у него взглядом: снимать ее? Но вроде сейчас ничего не происходит. Ничего такого...

Смазанное движение, опять неуловимое для глаза. Словно дикий хищник... прыжок...

Они даже не успели ничего понять. Сиделки не успели среагировать. Мрозовская не успела сделать снимок.

Они услышали только глухой рев, сотрясший стены, а затем истошный вопль ужаса.

Аглая с невероятной силой и проворством прыгнула через всю комнату и сбила инженера-технолога Найденова с ног. Он шлепнулся навзничь, она, как зверь, накрыла его собой, полосую ногтями лицо, и вцепилась в горло зубами.

Фонтан крови.

Аглая укусила инженера-технолога за кадык.

И обернулась к ним, снова впавшим в ступор и шок, как и тогда, полтора года назад.

Бахметьев и сиделки бросились к ней.

Елена Мрозовская... Она не помнила этот момент четко, но действовала как автомат – она стала одним целым с фотоаппаратом. Светочувствительность... Последовательная съемка...

Снимок!

Еще один!

Жуткий лик человека-демона, человека-людоеда, который вырвался наружу из этого существа – окровавленного, дикого, хищного, терзающего свою жертву.

Аглая вся подобралась перед новым прыжком. Она стояла на четвереньках над телом хрипящего инженера Найденова.

Бросок!

Она пыталась достать Елену Мрозовскую, но ту защитил фотоаппарат на треноге. Мрозовская закричала, отпрянула, фотоаппарат грохнулся на пол. Игорь Бахметьев с силой оттолкнул Аглаю к стене. Но она как-то по-паучьи спружинилась, отскочила от этой стены, покрытой синими обоями в лилиях, теперь забрызганными алым, и, открыв окровавленную пасть, заревела неистово и страшно, так что все они сразу почти оглохли.

А потом все смешалось. Игорь Бахметьев и сиделки набросились на Аглаю. Прижали ее к полу, начали выворачивать руки. Кто-то кричал, чтобы прикатали кресло с ремнями.

Инженер Найденов перевернулся на живот, приподнялся на руках и рухнул ничком. По паркету растекалась огромная лужа крови.

Глава 7

Нежданно-негаданно

Кроме кресла, дивана и тряпок, в комнате не оказалось ничего. Капитан Первоцветов по приказу Гущина вызвал к Дому у реки пожарных из местной пожарной части. Те приехали моментально, и Гущин попросил их расширить пролом в стене, чтобы тайную комнату можно было осмотреть. Пожарные начали крушить переборку.

Удары по кирпичной кладке, пыль, мечущиеся по стенам пятна полицейских фонарей – все это напоминало Кате фантазмагорию, кадр из фильма ужасов. Только вот особых ужасов пока было что-то не видно. Если не считать, конечно, древних тряпок, гнилых, заскорузлых, насквозь пропитанных...

– А ведь это кровь. – Полковник Гущин шевелил тряпки носком щегольского ботинка.

Когда пожарные разломали стену, он вошел в тайную комнату первым.

– И пятно на полу, на паркетной доске. Сколько лет этому паркету и этому пятну?

В этот момент где-то в доме послышался громкий возмущенный голос. По темной анфиладе заброшенных комнат решительным шагом приближался мужчина. Катя разглядела его в свете фонарей: лет за сорок, плотный, невысокий, почти квадратный, с широкими плечами, склонный к полноте, с короткой стрижкой, резкими чертами лица и двойным подбородком.

– Что вы делаете?! Прекратите! – орал он пожарным. – Кто вам позволил? Это самоуправство!

Он растолкал всех, отпихнул капитана Первоцветова и сунулся в пролом.

– Я замглавы городской администрации Казанский Андрей Игоревич! Что здесь творится? Почему вы разрушаете памятник архитектуры?! Мне в администрацию идут лавиной возмущенные звонки. Этот дом охраняется законом как культурное наследие!

– В этом доме произошло убийство. Убили городского фотографа Дениса Нилова, – сообщил ему Гущин, официально представившись. – Мы проводим осмотр места убийства. И в ходе осмотра обнаружено это вот странное помещение.

Замглавы администрации огляделся по сторонам с таким видом, словно только сейчас заметил и пролом, и паркетный пол, и ключья обоев с лилиями, и заложенное кирпичом окно с решеткой, и диван, и кресло с ремнями.

– Я не понимаю вас.

– В памятнике городской архитектуры, более похожем на нужник, обнаружена замурованная комната. – Гущин изучал его. – Это место убийства, Андрей Игоревич, и у нас были веские основания, чтобы начать ломать эту стенку.

– Абсурд какой-то! – Казанский сказал это спокойнее. – Про убийство нам в администрацию тоже сообщили. Конечно, вы полиция, вы должны заниматься своим делом, расследовать. А кто его убил, этого парня?

Катя отметила: судя по тому, как Казанский назвал Нилова, тот ему известен – по крайней мере он в курсе, что Нилов был молод.

– Ведется расследование.

– А что это за комната? – задал новый вопрос Казанский.

– Кирпичной кладке не один десяток лет. Предметы мебели старые, возможно, даже девятнадцатого века. – Гущин угрюмо оглядел вспоротую спинку дивана, снова подошел к груде тряпок на полу. – Переборка, которую мы проломили, в три кирпича. Если смотреть изнутри комнаты, – он подошел к стене, – видно, что эта сторона отличается от той, что снаружи. Там – сплошная кирпичная стена. А здесь, взгляните – остатки синих обоев. А вот здесь находился дверной проем, – он провел рукой по стене. – Остатки дверной притолоки и дверные

петли. Здесь была дверь, вход. Но снаружи выложили кирпичом еще один слой и эту старую переборку скрыли. Комнату замуровали.

– Так что это за комната? – нетерпеливо повторил свой вопрос Казанский.

– Это вы мне скажите, вы же кричали, что это памятник городской архитектуры.

– Не имею понятия. Просто это очень старое здание. Оно составляет единый комплекс с фабричными корпусами – а это памятник промышленной архитектуры. Городская достопримечательность. Кресло какое интересное, – Казанский дотронулся до спинки кресла-каталки. – Ремни... Кого-то привязывали... Что за дикость такая?

На его вопрос никто не ответил. И больше он вопросов не задавал, хотя весь дальнейший осмотр комнаты проходил при нем.

Но смотреть было особо нечего.

И все же Катю не покидало странное ощущение, что комната словно наблюдает за ними, скрыв зоркие недобрые глаза в старых стенах. И словно выжидает.

После осмотра Гушин приказал закрыть Дом у реки, повесив на входную дверь новый замок. Диван и кресло так и оставили внутри. Эксперты забрали лишь гнилые тряпки и сделали соскобы с дубового паркета, где Гушину привиделось пятно, чтобы проверить, кровь это или не кровь.

Катя не спрашивала у Гушина, каков его дальнейший план. Просто молча залезла в его машину. Увидела, как замглавы городской администрации сел за руль новехонького черного джипа и лихо развернулся почти у самой воды. Надо же, в маленьком Горьевске (от слова «горе»), обезглавленном на плахе беспощадной борьбы с коррупцией, осталась все-таки какая-то городская власть, которая покрикивает и качает права.

Капитан Первоцветов тоже сел с ними.

– Осмотрим его офис, Федор Матвеевич? – предложил он.

Гушин кивнул. Они разворачивались в сторону Горьевска. А он все смотрел на Дом у реки. И Катя поняла: это место лишило его покоя. Точнее даже так: полковник потерял свой покой там, в замурованной комнате, похожей на тайную тюрьму.

– Неплохо бы побольше узнать об этом здании, – сказал он Первоцветову. – Займитесь этим сами, ладно?

Капитан кивнул, и на лице его снова появилось то самое непередаваемое выражение. В глазах мелькнуло что-то затравленное, тоскливое.

«Что с ним? – удивилась Катя. – Ведь он недавно здесь, переведен из Главка».

Ехали в город по темному шоссе с редкими фонарями. За окнами внедорожника возник новый микрорайон: многоэтажные дома, освещенные остановки рейсовых автобусов, продуктовый супермаркет. Пейзаж несколько повеселел. Но вот они въехали в центральную часть города, и все снова стало унылым и каким-то кривым, кособоким.

Нелепая широкая центральная улица, по краям которой крючились старые купеческие особнячки, выкрашенные желтой охрой, залепленные вывесками «Аптека», «Цветы», «Оптика», вперемешку с мрачными пятиэтажками из силикатного кирпича. Городской сквер – дешевого вида фонтан, выключенный по случаю осеннего сезона, и какой-то чудной памятник – то ли ангел, то ли стрекоза на столбе.

И вдруг – прекрасное здание в стиле классицизма с фасадом жемчужного цвета, окутанным дымкой яркой подсветки. Здание, составившее бы честь даже столице.

– Городской музей, – пояснил капитан Первоцветов.

И Катя поняла: Горьевск, возможно, состоит из таких вот контрастов. Не следует судить об этом городе поверхностно.

Вдали, в свете уличных фонарей, мелькнуло что-то громадное из красного кирпича.

Но Катя не успела разглядеть – они свернули и остановились возле городского дома быта, расположенного напротив торгового центра. Оба здания – громоздкие ангары нового типа.

Торговый центр работает допоздна. А вот дом быта уже закрывается, но это не помеха для полиции, потому что...

Катя не закончила свою мысль.

Она увидела возле дома быта Горьевска нечто невообразимое.

Собственную машину.

Крохотный коробочнок – «Мерседес Смарт» – притулился прямо напротив входа, на парковке. Конечно, мало ли в Москве и области «Смартов», однако...

Катя на негнущихся ногах подошла к машинке. Моя! Точнее... Черт возьми! Вон и Стивен болтается на зеркале заднего вида – маленький пушистый брелок в виде синей длинноручной обезьянки. Она сама его водрузила туда, а Анфиса хотела повесить «Глазастика». Вон он притулился на приборной панели – жуткий на вид уродец-циклопик. И хаос в салоне знакомый...

Анфиса Берг – Катина закадычная подруга, с которой они напололам купили эту вот машинку и катались на ней по очереди. В последнее время машина больше требовалась Анфисе. Та моталась по разным местам. Кате приходили sms на телефон: «Зайчик, беру колеса из гаража – качу в...» Анфиса всегда аккуратно указывала пункт назначения.

Но в последнюю неделю посланий про авто Катя не получала и считала, что Анфиса работает в галерее, а крохотун-«Смарт» тоскует в гараже.

Катя секунду разглядывала синенького висельника – талисман на зеркале, а потом огляделась по сторонам. Темная незнакомая площадь, унылая и пустая.

Она ринулась в дом быта, не обращая внимания на тревожный окрик полковника Гущина.

Внутри все перегорожено и поделено на маленькие помещения: чуланчики-мастерские, офисы, магазинчики – точно жалкие соты. «Изготовление ключей», «Ремонт обуви», «Ремонт оправ», «Билетная касса», «Канцтовары», «Ателье».

– Как это не появлялся на работе? Вы его не видели сегодня? Может, знаете, где он живет? Мне очень нужно его увидеть! Я из Москвы приехала! Целый день его ищу!

До боли знакомый голос!

Катя верила и не верила ушам своим, глазам своим!

– Но это же его фотоателье! Но здесь заперто! Он что, уже закончил работу? А где он живет?

Белая дверь каморки с вывеской «Фотоуслуги». Напротив – стеклянный аквариум офиса «Котлы и отопительные системы». Его запирали на ключ хмурый сиделец, не дождавшийся вечерних клиентов. А рядом с ним Катя узрела Анфису Берг.

Та пылко допрашивала сидельца, повышая голос, словно разговаривала с глухим.

– Я из Москвы три часа ехала по пробкам! Мне он очень нужен, это же его фотоателье! Где я могу его найти, а?

– Анфиса, – тихо окликнула подругу Катя.

Та обернулась всем телом и...

Темные глаза Анфисы округлились. Она всплеснула руками.

– Ой, а ты...

– А я здесь. – Катя ухватила Анфису за руку. – Я по срочному делу.

– И я по срочному делу!

Катя быстро в уме подсчитала, сколько же они с закадычной подругой не виделись. Ой, много времени, так много – просто ужас! Последний раз на Анфисином дне рождения... Нет, она туда не попала, подарок отправила с курьерской службой, а сама была по горло занята...

– Анфисочка!

Анфиса тряхнула темными кудрявыми волосами и обняла Катю. От нее пахло тонкими духами. На ней были модный мешковатый черный плащ, черные брюки, яркий полосатый

шарф от Сони Рикель и, как обычно, увесистая сумка с фотоаппаратурой. Богема чистой воды и тот небрежный врожденный шик, который всегда так восхищал в ней Катю.

Анфиса Берг была известным в узких кругах художником-фотографом. Они с пятью компаньонами содержали галерею на Гоголевском бульваре, снимали там помещение, делали фотовыставки. Но в последнее время дела хипстерской галереи шли плохо. Анфиса фактически не имела постоянной работы и сотрудничала сразу с десятком изданий, пристраивая туда свои снимки, моталась по разным местам, делая рекламные фотосессии.

– Что здесь за шум, а драки нет? – осведомился позади них густой гушинский бас. – О, знакомые все лица! Анфиса Марковна, вы? Этого только не хватало. Какими судьбами?

Гущин, капитан Первоцветов и сотрудники Горьевского ОВД, приехавшие к дому быта делать осмотр офиса фотографа Нилова, заполонили узкий коридор.

Катя подумала: Гущину Анфиса знакома и памятна. Но не виделись они, страшно сказать, вечность. Со времен того знаменитого дела Музея имени Пушкина, когда Анфиса так помогла им всем.

– Федор Матвеевич! – воскликнула Анфиса с нескрываемым восторгом. – Как я рада вас видеть! Вы все такой же брюзга и меланхолик.

– А вы, Анфиса Марковна, расцвели. – Гущин приподнял бровь. – Но это еще не дает вам повод...

– Я здесь по важном делу, – возвестила Анфиса. – Мне надо срочно разыскать одного человека.

– Анфис, кого ты ищешь? – Катя уже знала ответ, она спросила для полковника Гущина.

– Дэна. Он фотограф. Когда-то делал снимки для половины глянца. Для «Сноба», для «Оффисьель».

– Его фамилия Нилов?

Анфиса уставилась на Катю.

– Да, а откуда ты...

– Денис Нилов убит, – мрачно изрек полковник Гущин. – Боюсь, Анфиса Марковна, вам предстоит дать нам внятные и четкие объяснения происходящему.

– Убит?! Ой, его же никто никогда у нас не принимал всерьез. Что он там болтает под кайфом!

Гущин принял решение моментально.

– Сначала осмотрим его конуру, – сказал он, кивая на офис фотоателье. – Вскройте дверь. А поговорим потом – обстоятельно и правдиво. Анфиса Марковна, ждите в коридоре. Никуда не уходите.

– Куда же это она уйдет?! – взвилась Катя. – Федор Матвеевич, вы вообще думайте, что говорите!

– Я думаю, – многозначительно ответил Гущин.

В этот момент хрястнул вскрытый полицейскими замок входной двери в офис.

Там было чисто и стерильно – белые стены. Все помещение узкое, словно гробик. Фотооборудование – здесь явно делали снимки на паспорт и документы. Стол, тумба с ящиками и компьютер с монитором. Осмотр занял час. В результате изъяли рабочий компьютер Нилова с клиентской базой и файлами фотографий и обработали все предметы на наличие отпечатков пальцев. Этого добра оказалось в изобилии.

Как только Катя поняла, что в фотоателье смотреть нечего, она вернулась к Анфисе. Вскоре к ним присоединился капитан Первоцветов – он переговорил с менеджером из «Отопительных систем», задержанным полицией для беседы. Тот ничего конкретного не сообщил – Нилова видел вчера утром и днем. Тот работал в фотоателье. Посещали ли его клиенты в тот день, менеджер не имеет понятия. После обеденного перерыва в коридоре с фотографом не сталкивался. Вечером, как обычно, стал закрывать офис. Но его начала расспрашивать про

фотографа какая-то девица из Москвы. Он ей сказал, что фотограф сегодня на работу не пришел.

И не мог прийти.

Мертвые не ходят и не фотографируют.

Опрос остальных обитателей мастерских и офисов дома быта отложили до утра – все уже позакрывалось.

Полковник Гушин приказал всем ехать в отдел полиции. Катя села вместе с Анфисой в «Смарт»-крохотун, Анфиса рулила следом за внедорожником Гушина, помалкивала и выглядела растерянной и подавленной.

Горьевский ОВД встретил их холодно и негостеприимно – большинство кабинетов закрыты. Личный состав так и не мог зализать раны и залатать бреши в своих рядах. А те, кто еще остался, работать в ночь по горячим следам даже из-за убийства явно не собирались. Кроме мрачного дежурного, капитана Первоцветова и горстки оперативников, что приехали с осмотра Дома у реки усталые как черти, – никого. Все это так не похоже на прочие расследования убийств в маленьких подмосковных городках, где сразу пахали всем отделом, просто из кожи вон лезли, чтобы скорее, скорее раскрыть и отчитаться! Кате стало горько от всей этой ведомственной апатии, запустения и равнодушия, с которыми она сталкивалась все чаще.

В тот момент дело об убийстве фотографа представлялось ей достаточно простым. Она и предположить не могла, *с чем они столкнутся в этом городе.*

Что думал полковник Гушин, горевал ли он по поводу всеобщего полицейского локального пофигизма и нежелания работать, было загадкой.

– Анфиса Марковна, я вас внимательно слушаю, – объявил он, когда они сели в холодном, как лед, кабинете Первоцветова на первом этаже.

– Кто убил Дениса, Федор Матвеевич? – вопросом ответила Анфиса. – Когда это произошло?

– А вы когда появились в Горьевске? – Гушин устало потер пальцами глаза и переносицу. – Вы меня знаете, Анфиса Марковна. При некоторых обстоятельствах вопросы задаю только я.

– Ох, ладно, принято. – Анфиса посмотрела на Катю, ища поддержки. – Я сегодня приехала. Как сердце чувствовало! Он... Дэн должен был с меня деньги получить. И не позвонил, и сообщения не прислал – ничего. Представляете? Это он-то, когда деньги светят! Я ему за все пятьдесят тысяч обещала.

– За что?

– За фотоснимки.

– Он что, был папарацци?

– Да, он когда-то был папарацци. А до этого – очень талантливый фотограф. Настоящий художник. Кокс его погубил, понимаете? Кокс и прочая дрянь.

– Наркоман со стажем?

– Это хуже, чем болезнь, Федор Матвеевич.

– Да я знаю, – Гушин вздохнул. – Давно вы с ним знакомы?

– Лет пять. Не приятель он мне и не бывший мой, не думайте ничего такого. Он просто мелькал в одной тусовке – свет, полусвет, работал как папарацци. И у нас в галерее пару раз выставлял несколько работ – так, для души. В свои светлые моменты.

– Он москвич?

– Он откуда-то приехал еще совсем молодым, из глубинки. Но в Москву врос, приспособился.

– Не из Горьевска?

– Этого я не знаю.

– А что за снимки? Компромат на кого-то?

– Да нет, Федор Матвеевич. Это не то, что вы думаете. Это антиквариат. Исторические фотографии, дореволюционные.

– Старые фото? И вы ему пятьдесят тысяч за них собирались заплатить?

– Это фотоработы Елены Мрозовской, – ответила Анфиса. – Она знаменитый русский фотограф. Ее работы стоят гораздо больше, их совсем мало осталось. Но со снимками, что мне Денис передал, было не все так гладко. Там только часть оказалась работами Мрозовской, а другие были сделаны не ею. Не знаю, намеренно или невольно, но Денис ввел меня в заблуждение.

– Обманул? Хотел сбагрить фальшивку?

– Федор Матвеевич, вы все в одном ключе воспринимаете – обманул, объегорил. Нет, он мог сам не понимать, что к чему. Я просто работами Мрозовской много интересовалась, изучала ее искусство, поэтому могу отличить. Стил, техника фотографирования совсем разная. На тех, что он мне сразу отдал, – это ее стил и метод фотографирования. А те, что я забрала из его ячейки в банке, в большинстве другие. И вообще там все очень-очень странно. Если не сказать больше.

– Фотографии у вас с собой?

– Да. – Анфиса полезла в свою необъятную сумку и достала плотный конверт крафтовой бумаги, протянула Гущину.

Тот достал пачку фотографий, мельком глянул. Одно фото разглядывал дольше остальных. Брови его удивленно полезли вверх. Он хмыкнул, нахмурился и спрятал фото в конверт.

Катя успела разглядеть лишь то, что снимки черно-белые и один вроде раскрашен. Фото-бумага очень плотная, почти как картон.

– Давайте все по порядку и с самого начала, – попросил Гущин. – Итак, когда вы встретились с Ниловым?

– В тусовке он был просто Дэн. Это случилось две недели назад, он подошел ко мне на улице, выглядел плохо, весь дерганый. Я тогда подумала еще: без дозы мучается, но это не только ломка была, понимаете? Мне сейчас, когда я все снова вспоминаю, кажется, что он нервничал. Сказал, есть фотки на продажу. Может, ваша галерея купит? Я сказала – мы на мели, нет. Я думала, он на дозу собирает. Но он потащил меня в кофейню на бульваре и там вытащил три фотографии. И я... Я только взглянула на них, Федор Матвеевич, и сразу поняла, что... Это работы Елены Мрозовской! А там еще на обороте снимков были ее автографы, надписи, сделанные ее рукой!

Катя не вмешивалась в разговор. Она видела: Анфиса сильно волнуется. Имя Елены Мрозовской Кате ничего не говорило. Правда, она была в курсе, что Анфиса увлекается дореволюционной фотографией. А по нынешним временам антиквариат – лучшее вложение для маленькой частной галереи, идущей ко дну.

– Короче, я сразу решила купить эти снимки. Сняла деньги с карточки в банкомате, заплатила пять тысяч за каждый снимок. Это я его наколола, Федор Матвеевич. Каждое подлинное фото Мрозовской, сделанное ею лично, стоит в десять раз больше. А я ему всего пятьдесят тысяч пообещала за все. Потому что он сказал мне – у него еще есть.

– И что было дальше?

– Я сказала ему: мне надо проверить подлинность снимков. Хотя уже уверена была, что... Ох, это такая удача! – Глаза Анфисы блеснули. – Но эти три снимка... Я потом покажу какие, они уж очень... как бы это сказать... Снято великолепно, но мурашки по коже. Денис взял номер моего мобильного, сказал, что позвонит через пару дней – узнать, куплю ли я остальное. И позвонил. Я сказала – да, да, галерея купит все. Я с компаньонами это не обсуждала. Решила вложить свои деньги.

– Понимаю, бизнес, – усмехнулся Гущин.

– Нет, не понимаете вы! Для фотографа откопать новые неизвестные фото Елены Мрозовской – это то же самое, что найти на блошином рынке настоящего Бакста или Бенуа! – пылко воскликнула Анфиса. – Я сказала, чтобы он привез снимки в галерею. Но он ответил, что не в Москве, далеко от Москвы, в Горьевске, мол, у него временная работа, халтура в фотоателье в доме быта. А снимки он держит в банке, в ячейке.

– В каком банке он держал фото?

– ВТБ, отделение на Земляном валу. Он мне по телефону назвал адрес и продиктовал код шифра ячейки.

– Так сразу все открыл?

– Он сказал: Анфиска, ты не обманешь. Забери снимки, глянь. Пятьдесят тысяч переведешь мне на карточку, я перезвоню.

– А он не сказал вам, откуда у него эти фото?

– Сказал, еще в первую встречу, когда я в кафе начала допытываться про фотографии Мрозовской. Это от нарика одного знакомого – от какого-то Петруши, который откинулся от передоза. А это, мол, долг его за кокс и наследство одновременно.

– Фамилия Петруши?

– Не знаю, вообще ничего про него больше не сказал. Лишь упомянул, что тот из Горьевска был. В Горьевске посоветовал халтуру. Сейчас же все как волки рыщут, ищут подработку. Ничем не гнушаются. Глянец весь почти накрылся, там чужих, внештатных в штывки встречают. Из папарацци Денис превратился в обычного фотографа из тех, кто снимает на документы.

– И что было дальше?

– Я, конечно, помчалась в банк, вскрыла ячейку. Достала снимки и... Я была готова его убить. Там было только два снимка Елены Мрозовской. Все остальные не ее. Я в галерее и фотомастерской все тщательно проверила, рылась в справочниках. Нет, никаких сомнений: это снимки гораздо более раннего периода, примерно конца семидесятых – начала восьмидесятых годов девятнадцатого века. Антикварные фото неизвестного фотографа. Но... они такие... Вы же сами сейчас видели, Федор Матвеевич! Но вот что необычно: на обороте там везде надписи. Почерк тот же, что на фотографиях Елены Мрозовской. Они сделаны не ею, но она подписала их все, словно... это из ее собрания, коллекции. Я послала Денису сообщение: снимки беру, но это не Мрозовская, поэтому и цена – двадцатка за все. Он мне ответил вчера вечером, прислал sms. Номер шифра банковской ячейки, другой. Написал: «Есть еще, полтинник за все».

– Еще снимки? И другая ячейка?

– Да. Я снова помчалась туда, на Земляной вал, в то же отделение ВТБ. Но там нет ячеек с таким шифром. Мне менеджер банка сказал, что подобный шифр они не используют. Это какой-то другой банк. Я стала опять звонить Денису – его мобильный сначала не отвечал, никто трубку не брал. А потом и вообще отключился. И на сообщения – никакого ответа. Я сегодня с утра все пыталась дозвониться. Мне стало тревожно – не в правилах Дениса исчезать, когда деньга светит! Это совершенно на него не похоже. И я жаждала получить остальные снимки. Невозможно от такого предложения отказаться! Поэтому я села в машину и поехала в Горьевск. В пробке на МКАД проторчала полтора часа. Пока добралась, пока это чертов дом быта нашла, стемнело. Оказалось, он сегодня и на работе не был. Я из всех местных душу вытрясала – хотела его адрес узнать. А тут вы...

– Как у Высоцкого: «Тут за день так накувыркаешься, придешь домой – там ты сидишь», – Гуцин снова хмыкнул. – Так где вы находились вчера вечером, Анфиса Марковна?

– В галерее на Гоголевском бульваре. Адрес вам отлично известен. Это могут все наши подтвердить, мы новый зал допоздна оформляли.

– Ясно. А с десяти вечера до восьми утра?

– Дома, спала.

– Кто может подтвердить это?

– Плюшевый мишка.
– Вот то-то и оно, – Гущин покивал головой.
– Федор Матвеевич! – Катя сделала страшные глаза.
– А ты помолчи. Снимки я пока у себя оставлю.
– Нет смысла вам из Горьевска так поздно уезжать, – подал вдруг голос молчавший как рыба капитан Первоцветов. – Завтра с утра уйма работы. И вам, Анфиса... Анфиса Марковна – да? Тоже придется задержаться.

Катя отметила, что изящный сумрачный капитан Первоцветов смотрит на пышную, полную, кудрявую, шумную, модную Анфису как-то сбоку, наклонив голову, как это делает сорока, когда разглядывает блестящую на солнце консервную банку.

– Как здесь с гостиницей? – Гущин тяжело вздохнул.

– Есть наш знаменитый загородный отель «Бережки-Холл», там свадьбы играют. Есть отель с сауной «Горьевские дали». Есть отель «Комфорт» – в центре, пара улиц до отдела, приемлемо по цене, и я почти рядом жилье снимаю. Я вас туда провожу.

Когда они уже выходили из отдела, неугомонная Анфиса шепнула Кате:

– Какой редкий зануда! Но глаза красивые у капитана. Так смотрит... Кстати, после того как я узнала, что бедняга Дэн убит, я бы и сама так просто из этой дыры не уехала. А ты, Катя?

– Гущин в Главк позвонит, чтобы твоё алиби в галерее проверили, – со вздохом сказала Катя. – А на ночь убийства у тебя алиби нет, мой зайчик. Опять ты, Анфиса, влипла в...

– Какашкуууу, – пропела Анфиса ей на ушко. – А зайчик, а зайчик попал под трамвайчик... опять, опять... ой-ей-ей... Привезли его в домой – оказался он живой! Где наша не пропала!

– Почему Гущин сразу нам фото не показал, спрятал? Что там на них?

– Покажет, куда не денется. Там мало что понятно. Вроде старые фото, а приглядишься – какая-то чертовщина. Капитан Первоцветов, а можно вас спросить? Парковка у отеля своя? Нам машину поставить нужно.

Глава 8

Капитан Первоцветов

Фотограф по имени Анфиса, оказавшаяся главным свидетелем по делу, спросила, как его имя-отчество.

Капитан Первоцветов вспомнил об этом, когда ехал в полном одиночестве по темному спящему городу на патрульной машине. Он назвал ей только свое имя – Борис. Она улыбнулась. Ямочки на щеках...

Если бы она только знала, о чем на самом деле он думал в тот момент!

Приезда полковника Гущина в Горьевск капитан Первоцветов не ожидал. В Главке они редко сталкивались, лишь на общих совещаниях. И никогда не контактировали. Но Первоцветов, как и все в ГУВД, был наслышан о полковнике Гущине и его манере работать. То, что Гущин вечно таскает за собой на места происшествий сотрудницу пресс-службы, служащую для него чем-то вроде талисмана успешного раскрытия дела, тоже обсуждали. Это шло вразрез с правилами. Но Гущин не слишком пекся о правилах. А эта длинноногая корреспондентка Екатерина Петровская вроде никогда не подкладывала ему свиней – не сливала информацию СМИ, не публиковала непроверенных данных из «источников, близких к расследованию», и даже «помогала» Гущину в раскрытии.

Капитан Первоцветов усмехнулся. Помочь в раскрытии... Только не в Горьевске. Что корреспондентка пресс-службы знает о городе!

Что она знает обо всем этом...

И Гущин не знает. Да, он известен, он славен своей оперативной хваткой, своим упорством, умением раскрывать самые запутанные убийства – Первоцветов слышал немало историй об удаче шефа криминальной полиции.

Только он не верил в эти рассказы. Только не в Горьевске. Здесь, полковник, тебе не обломится. Не сможешь ты ничего здесь. И девица твоя – корреспондентка, твой талисман, – не поможет тебе ни в чем. Еще хорошо будет, если унесете отсюда ноги подобру-поздорову.

Потому что Горьевск – он такой. Он порой не отпускает.

Есть города, которым нужны жертвы, как темным божествам.

А Горьевск много чего может рассказать о жертвах.

Капитан Первоцветов ехал по Горьевску, по его улицам – пустым, окутанным ночным мраком, где все спали, где тускло светились лишь вывески жалких магазинов, жалких аптек, жалких кафе – мимо выключенного по случаю холодов фонтана, мимо городского музея.

Улицы и кварталы остались позади, темное шоссе заструилось среди темных деревьев к реке.

Полковник Гущин, несомненно, задал бы капитану Первоцветову немало вопросов, узнай он, куда тот направляется среди ночи. А как он узнает? Кто ему расскажет?

Патрульная машина сбавила скорость и тихо остановилась у Дома у реки.

Была половина третьего ночи. Где-то в это время фотограф Нилов встретил свою смерть – там, в доме, в загаженной комнате, стену которой хотел просверлить ручной дрелью.

Зачем? Куда ты сунулся, глупый дурак?

Капитан Первоцветов, сидя за рулем патрульной машины, смотрел на запертую на новый замок дверь дома.

Ее уже закрывали прежде. Только это ни к чему не привело.

Он провел рукой по лицу, словно смахивая с него невидимую паутину. Вспомнил, что они обнаружили в замурованной комнате, когда рухнула переборка. Это всегда было там. Всегда. За стеной.

В ночи Дом у реки представлялся скопищем смутных пятен: белели колонны, черными провалами зияли окна, хотя в них сохранились стекла.

Капитан Первоцветов ощутил спазм в горле.

Он нажал на газ, и старая патрульная машина, взвизгнув тормозами, рванула с места. Он ехал почти вслепую, да, он словно ослеп. Ему не надо было видеть дорогу, потому что он знал, куда она приведет.

В Горьевске издавна всего одна дорога: от Дома у реки до...

Это остальные пути – фантомы: федеральное шоссе, улицы, переулки, дорога к отелю «Бережки-Холл», дорога к станции – это все призраки Горьевска. Настоящая дорога в этом городе ведет вот сюда.

Он остановился, вышел из машины.

Приблизился вплотную к кирпичной стене. Дотронулся до нее рукой. Задрал голову и глянул вверх – в ночь.

Над ним возвышалась Башня с часами.

Это грандиозное сооружение для плоского Горьевска было невероятно высоким. Капитан Первоцветов порой прикидывал, сколько метров в высоту башня.

Вокруг не было ни души. Ни охраны из ЧОПа, ни любопытных. Башня с часами, подсвеченная фонарями, вырастала из фабричных корпусов старой фабрики. Она словно касалась своим шпилем низко нависших над городом дождевых туч.

Порой капитану Первоцветову хотелось, чтобы эту дрянь сломали. Чтобы не было соблазна.

Никакого соблазна.

А потом он ощущал знакомый прилив крови, сердце замирало в груди от предвкушения чего-то невиданного, небывалого, того, что хотим узнать мы все.

Только боимся.

А вот он уже не боялся.

Он порой страстно этого ждал.

И в такие моменты желал, чтобы башня оказалась очень высокой, даже выше, чем по всем его расчетам. И чтобы она простояла еще века, притягивая к себе, соблазняя, как луна соблазняет своей недосыгаемостью и совершенством бедных, безумных, больных ночных мотыльков.

Глава 9

Любовники

– Это Окорок с фотографом рассчитался. Окорок – мужик мстительный, серьезный. Ты сам говорил, Андрюша, такой позор! Этот приезжий парень-фотограф так его опозорил! Окорок позора не прощает.

Ульяна Антипова шепнула это на ухо Андрею Казанскому – замглавы городской администрации Горьевска, которого Катя видела в Доме у реки. Ульяна и Казанский лежали в постели. Они были любовниками, но вместе не жили, что Ульяну огорчало. Казанский просто навещал ее – вот и в эту ночь приехал поздно.

Ввалился во втором часу ночи, без звонка, без букета, без подарка – она не смогла даже привести себя в порядок, выскочила всклокоченная, сонная, потная из постели. От этого можно было разъяриться, как львица. Но, взглядевшись в мрачное озабоченное лицо любовника, Ульяна прикусила язык.

Она на скорую руку собрала поесть и наполнила ванну горячей водой. Пока Казанский отмокал в ванне, она размышляла. И мысли ее были остры как бритва.

Ульяна пережила трудный день – она работала акушером-гинекологом роддома при местной центральной районной больнице. Целый день провела на ногах – тяжелые роды с осложнениями. Роженица поступила из Куровского, на сорок первой неделе, без схваток, с высокой температурой, с «двойным обвитием» вокруг шеи младенца. Они испробовали все, чтобы роды начались. Были моменты – роженица так орала, что Ульяне казалось, все кончится плохо. Но ребенок все же вышел. Он не кричал, а как-то сипел, постанывал, но дышал. Дышал!

Сегодня Ульяне было не до постельных игр, но Казанский и сам ничего такого не хотел. После ванны он отказался от еды, залез в теплую постель Ульяны и лежал на спине, глядя в потолок.

Тут-то Ульяна и спросила:

– Что это полиция по городу разъездилась, а?

Он промолчал.

– Это потому что фотографа убили? Мне девчонки в регистратуре сказали, когда я домой уходила. Того москвича с приветом. – Она прильнула к горячему телу Казанского и прошептала то самое: – Это Окорок его...

Казанский обнял ее, но взгляд его был все так же пуст, устремлен в потолок. Он о чем-то думал. О своем.

– Ты прочел, что в медкарте Окорока написано? Понял его диагноз? – шептала Ульяна. – Суслин из ординаторской за бутылку коньяка согласился показать мне его медкарту, я отксерила, как ты просил. Только зачем это тебе, Андрюша? Плохой диагноз. Пасмурный. Как прогноз погоды. Шторм предвещает.

– Бурю, – уточнил Казанский. – Ты забудь про это, детка. Может, это вообще – тщетные хлопоты.

Ульяна хотела спросить почему. «Ты же сам меня просил через знакомых врачей, кто на алкоголь падок, достать медкарту! И я сделала это ради тебя, хотя такие вещи грозят увольнением. Впрочем, чего мне бояться – Казанский в городе теперь сила и фактически единственная реальная власть. Он заступится. Он обещал, что очень скоро я получу должность заведующей родильным домом, когда старого главврача сплавят на пенсию».

– А этого фотографа убили в том доме, да? В регистратуре языками мелят. Нет, ну конечно, это Окорок его... Или же... Или это что-то другое? А, Андрюша? Другое?

– Спи, не болтай. Завтра рано вставать. – Казанский повернулся на бок, спрятал свое лицо от нее в подушке.

«Спи, не болтай, не мели языком» – так мать говаривала, когда жива была. Здесь, в этой квартире, в соседней комнате спала, храпела еще год назад. Так храпела, хоть из дома беги. Сердечники все храпуны. А у матери, кроме сердца, еще и астма была, и сосуды.

Что ж, это плата за жизнь, которую она прожила.

Мать выслали из Москвы сюда, в Горьевск, на *сто первый километр, дважды*. При Советах была такая форма наказания – не ссылка, а высылка.

Сто первый километр... Горьевск...

Мать его ненавидела. Но как-то прижилась все же в нем. А для нее, Ульяны, городишко стал родным. Она вернулась сюда после мединститута, а могла бы в Москве зацепиться. Но она вернулась. Ведь здесь жила, обрюзгнув и растолстев, ее мать, перенесшая два инфаркта.

Ах, а какая она была в молодости – ее мать... Красотка! Модельная девочка!

Мать была дорогой валютной проституткой, о чем, не смущаясь, любила вспоминать. Тутси-куколка... Тутси-леденец...

При совке таких считали «вредным элементом», паразитами и тунеядцами и выслали в рабочие фабричные города. Ломать хребет на производстве. Отца у Ульяна не имелось. Мать утверждала, что она «нежданчик».

Всю свою тридцативосьмилетнюю жизнь Ульяна Антипова положила на то, чтобы забыть, что она дочь проститутки, и стать настоящей уважаемой «дамой». Может, поэтому она выбрала профессию гинеколога. Хороших гинекологов в маленьких провинциальных городах пациентки боготворят. А именно женщины в провинции поддерживают и формируют негласное общественное мнение.

То, что она наконец достигла высокой планки и вытянула счастливый билет, Ульяна поняла, когда с ней начал встречаться Андрей Казанский из городской администрации. Ей тогда мнилось, что счастье не за горами: удачный брак, муж-начальник, семья, дом – полная чаша.

Но этого не случилось. Прошло несколько лет, а они все продолжали встречаться от раза к разу. И чем дальше, тем больше, тем преданнее и безропотнее Ульяна ему служила.

Тому, кто спал сейчас рядом с ней в ее пышной постели.

От разговоров об убийстве фотографа Казанский уклонился. А она о многом хотела спросить его. Хотя бы о том, что – вот, надо же, этот тип жил в доме у Марго Добролюбовой, снимал комнаты у Марго, которую так хорошо знала некогда ее покойная мать и которая сама была мать и...

Андрей Казанский рядом захрипел во сне так, словно захлебнулся чем-то на вздохе. Или ему кошмар приснился?

Ульяна осторожно потрясла его за плечо;

– Андрюша, ты спишь? Я вот о чем тебя спросить хотела...

Он не открыл глаз. В этот миг он был где-то на границе сна и бодрствования, проваливаясь в какую-то иную реальность. В которой одновременно существовали и влажные от пота простыни этой двуспальной кровати, что липли к его телу, и... натертый воском паркет. По которому он быстро шел, минуя залитую солнцем длинную стеклянную галерею – зимний сад, где пальмы в кадках распускали зеленые веера, где цвели диковинные заморские орхидеи, где стоял тяжелый влажный аромат оранжереи и одновременно пахло свежим кофе и корицей.

Где-то там, в конце оранжереи, в комнатах брэнчало пианино, и два женских голоса пели по-французски. Ошибались и начинали снова, подыгрывая себе. Он шел мимо пальм и орхидей на эти голоса, что звучали для него как песня сирен. Костюм английского сукна сидел на нем как влитой.

Часы на фабричной башне пробили четверть четвертого. И он вытащил из кармашка жилета свои собственные часы – золотые, с монограммой на золотой цепочке.

Буквы монограммы сплелись в причудливый узор: буква Б...

...Я хотела спросить тебя: может, опять снимем номер в «Бережках-Холле»? Там зимний сад, оранжерея, и бассейн, и сауна...

Сквозь приоткрытые веки он увидел...

Ульяна водила по его щеке кончиком наманикюренного пальца и спрашивала про «Бережки-Холл» – гостиничный комплекс с зимним садом, бассейном и оранжереей, который ей так нравился.

Он не ответил, он словно упал назад в постель – рухнул, как это бывает только во сне, когда снится, что летаешь.

Ульяна откинулась на подушки. Какое-то время она еще думала о «Бережках-Холле».

Потом об убийстве фотографа, о котором уже знал весь Горьевск...

Странные то были мысли.

А потом она тоже провалилась в сны, и они оказались не менее странными, чем ее мысли.

Двойное обвитие вокруг шеи младенца, что никак не мог появиться на свет. Это же петля... Это удушение...

Зубчатые колеса и валики, медные штыри и перекладки грандиозного часового механизма. К этой механике привязана крепкая веревка.

Двойное обвитие вокруг шеи, вокруг горла...

Тугая петля...

Висельник проклятый...

Ты опять здесь, висельник, ты снова со мной?!

Нет, нет, не надо, я не хочу! Только не это! Это же так страшно...

Это непоправимо...

Двойное обвитие вокруг шеи...

Голые ноги сучат в агонии. Веревка натягивается. Тень бешено мечется по стене.

Глава 10

Скандал

– Так что там за история приключилась с фотографом Ниловым, Борис? Я от сотрудника полиции слышал, что успел накуролесить он здесь, в городе. Что произошло?

– Скандал, Федор Матвеевич.

Полковник Гущин спросил это в кабинете капитана Первоцветова, глядя в окно на внутренний двор Горьевского ОВД. Они втроем были в кабинете в это пасмурное дождливое утро: Гущин, Первоцветов и Катя. Шофера своего Гущин отпустил, тот уехал в Москву на электричке, оставив шефу служебную машину. В соседнем кабинете молодой бестолковый следователь официально, на протокол, допрашивал Анфису Берг.

Воскресенье... Отдел словно вымер. Казалось, вообще все кабинеты были закрыты. Тем, кто работал вчера на месте происшествия, Первоцветов велел отдыхать. А смены в Горьевском ОВД никакой не имелось. Катя думала: Гущину на таком безрыбье ничего не остается, как вызвать сюда, в город, оперативную группу из Главка. Но там все и так заняты по горло.

Отель, в котором они обосновались, оказался ничего, сносным – маленьким, уютным, с чистыми светлыми номерами, приличной сантехникой в ванной и хорошим постельным бельем и махровыми полотенцами. Уж куда Анфиса была в этих вопросах привиреда, но и она осталась довольна. Одно неудобство: у них с Катей в номере оказалась только одна кровать – широкая, как футбольное поле. Они махнули рукой на приличия и улеглись рядышком. Анфиса сказала, что еще место осталось для полковника Гущина – чего ему, мизантропу, одному в номере куковать? Катя стукнула ее подушкой.

Она много о чем хотела расспросить Анфису, но та мгновенно уснула. А утром, после завтрака, когда они с Анфисой брели в отдел полиции (Гущин отправился туда вообще спозаранку), произошло памятное событие.

Катя увидела Башню с часами.

Они шли по сонной, пустынной в воскресный день улице, и Анфиса вдруг дернула ее за рукав и воскликнула: «Смотри! Смотри! Какое чудо!»

В этой старой части города дома словно расступались, открывая вид на поразительное сооружение – высокую квадратную кирпичную башню с темным шпилем и огромным белым циферблатом часов с черными стрелками. Башня составляла единый комплекс с кирпичными фабричными корпусами. И все это выглядело одновременно старым и новым – старым из-за архитектуры, в которой явно ощущался строгий и лаконичный британский стиль, и новым, потому что и корпуса, и башня были аккуратно выкрашены в темно-карминный цвет. А старые оконные переплеты заменены на новые белые стеклопакеты.

Весь этот великолепный архитектурный ансамбль столь разительно контрастировал с убогой и заштатной реальностью провинциального городка, что приходилось лишь удивляться, как все это очутилось именно там, на окраине – среди полей и перелесков, на берегу хилой узкой речушки, заросшей засохшими камышами.

– Я вчера башню увидела, как в город приехала. Оторваться не могла! Даже про Дениса Нилова забыла. Поехала рассмотреть, что это за чудо такое. Как же она прекрасна, совершенна по форме, эта Башня с часами! Все-таки в старом промышленном дизайне есть нечто, чего не могут предложить никакие дворцы, никакие вычурные стили барокко! – Анфиса зачарованно созерцала башню. – Выпадет минутка – я ее сфотографирую. В разных ракурсах, при разной погоде. Так, при ненастье, на фоне туч, она еще сильнее впечатляет, чем на фоне ясного неба.

Больше мрачности и силы...

Катя согласилась с Анфисой. Она тоже не могла оторвать от Башни с часами свой взор. Надо же, в Горьевске! В этой глуши, над которой так жестоко потешаются в Главке, как над сущей деревней! И такая башня! Такой великолепный стиль... Только вот...

– Окна проклятые все портят, стеклопакеты, – заметила Анфиса. – И кто додумался их туда прилепить? Я когда вчера все здесь осматривала, поняла, что эти здания недавно после большого капитального ремонта. Все так аккуратно сделано, просто вылизано, отреставрировано. И при этом – пустота: ни людей, ни машин на парковке. Все отремонтировано и словно опять заброшено. И часы башенные стоят.

...Сейчас в кабинете, слушая разговор Гущина и Первоцветова, Катя невольно вспоминала башню – белый циферблат и стрелки часов, застывших... в каком положении? Кажется, «двадцать минут четвертого». Самый глухой, ночной, предзвездный час. Или это дневное время?

– Чего это он там делает? Что-то выбросил?

Катя вздрогнула, отвлеклась от *циферблата и стрелок* и почти назойливого желания узнать, какое время они показывают, застыв на месте.

Гущин подбородком указал в сторону окна.

Посреди внутреннего двора ОВД поставили контейнер для мусора, и сейчас рядом с ним копошился дежурный в форме с пластиковым пакетом в руках и вышвыривал в контейнер... спортивные кубки из тусклого металла.

– Все без разбора кидают, – ответил капитан Первоцветов. – Сначала покидали все тульские электрические самовары, которые на День полиции надарили. По слухам, ведь в эти самые самовары «жучков» напихали, прослушку, ну, когда полковника-то с миллиардами повязали на коррупции и взятках. Повывбрасывали вообще все подарки, кто чего когда-то получал как благодарность, как премию или от руководства – орлов на скале, статуэтки медведей. Никто никаких подарков не хочет и не берет. Курочить не курочат на предмет обнаружения «жучков», но сразу в мусор вышвыривают. Все за борьбу с коррупцией как один. Но никто не желает «жучка»-прослушку в тульском самоваре. Никто не хочет жить под колпаком. Сперва все ходили в конец улицы – там мусорные контейнеры. Но там жилой микрорайон, народ любопытствует: чего это полиция выбрасывает? Я распорядился, чтобы заказали мусорный контейнер и поставили здесь, во внутреннем дворе. И он уже полон, Федор Матвеевич! Не только самовары и орлов, уже и кубки спортивные вышвыривают, вымпелы уголовного розыска – все подряд. Никаких подарков, никаких премий. Ничего не хотят, избавляются. Никогда такого не было, Федор Матвеевич. Никто таких гнусных времен не помнит...

Дежурный за окном с грохотом опорожнил пакет в контейнер. Отделовские спортивные кубки звякали, как ненужный металлолом.

– Так что за скандал с фотографом? – повторил свой вопрос полковник Гущин.

– Он выложил видео в интернет.

– Что-то по поводу этого? – Гущин кивнул на подарочный мусор.

– Видео с банкета у бывшего председателя районного горьевского суда Петра Репликантова.

– Типа свадьба «золотого судьи»? И что, судью поперли с должности?

– Нет, – капитан Первоцветов покачал головой. – Здесь иная, горьевская специфика. Председатель суда Репликантов уходил на пенсию и давал прощальный банкет в «Горьевских даях» – это ресторан при отеле. Репликантов – человек в городе известный и уважаемый, с безупречной профессиональной репутацией. Он почти два десятка лет возглавлял районный суд. И насколько я выяснил, когда разбирался с тем банкетным скандалом, по служебной судебной линии никогда на него не было никаких нареканий. Только вот одно дело – репутация, а другое – любовь народная. И с ней у Репликантова туго, несмотря на все его заслуги. Его прозвище в городе – Окорок.

– Почему Окорок? Он полный?

– Его дочь владеет свинофермой в окрестностях Горьевска. Судьям ведь бизнес заказан, даже на пенсии они не могут этим заниматься. А этот поступил мудро: свои средства передал дочери, сделал ее владелицей большой свинофермы. Дочь – балерина, танцует в Питере. Понятно, ей до свиней как до лампочки. Окорок фактически распоряжается и делами свинофермы, и доходами. Это в действительности, а по документам все законно. Но от горожан же этого не скроешь. Да и свиноферма так воняет – за километр учуешь. Поэтому судью Репликантова не любят. И когда грянул скандал с роликом в интернете, многие в городе руки потирали от удовольствия.

– Так что за ролик с банкета? Он что там, упился вдрызг или голым на столе плясал? И при чем здесь фотограф Нилов?

– Нилов при том, что он вел видеосъемку банкета. Сам Репликантов его нанял – видео и монтаж фильма на память. Банкет еще закончиться не успел, гости в зале отплясывали. А ролик уже в сети гулял. Там видно, как гости судьи хватают со столов, что от банкета осталось – все с блюд и тарелок метут: ветчину, рыбу, куски поросятины жареной, недопитые бутылки вина, коньяк, тарталетки и прячут – кто в салфетки заворачивает, кто в сумки сует. Банкет оплачен, а в три горла все не съешь. Это раньше оставляли на столах еду, а теперь все хватают – домой, детям, старикам гостинцы.

Катя не могла понять по тону Первоцветова, говорит ли он все это серьезно и горько или же издевается вот так, с каменным усталым лицом, над жадностью, прожорливостью и дурным воспитанием «маленьких глупых людей».

– Ролик получился стебный, сатира в стиле режиссера Гайдая. Выложил его в сеть фотограф Нилов. Судья Репликантов приехал к нему в фотоателье на следующий день разбираться, кричал, голос повышал. Полицию вызывали даже. Я сам приехал туда. Нилов этот лишь зубы скалил, утверждал, что ничего плохого не хотел. Репликантов требовал от меня ролик удалить. А как его удалишь? И потом, там ведь ничего такого – не порно, не насилие, не экстремизм. Одна большая жратва городской элиты и хватание со столов – заgreбушие руки. Только там многие засветились – из суда, из администрации, даже поп что-то там вкусное в салфетку увязывал, попадье презент...

– А что фотограф Нилов мог иметь против судьи, чтобы его позорить? – спросил Гушин.

– В этом все и дело – ничего! Банкет в августе состоялся. Нилов лишь в середине июля приехал в Горьевск. Они с судьей Репликантовым до того, как тот видео заказал, даже знакомы не были. Причина могла крыться в другом. В том, что Нилову кто-то специально заплатил, чтобы через сеть опозорить судью. Я это тогда у фотографа спрашивал. Но он от всего откrepстился. Стоял на своем: ничего плохого не хотел, просто позабавился. Но то, что он все отрицал, еще ничего не значит. За этой историей мог кто-то стоять.

– Кто?

– Я ведь недавно сюда назначен, в ОВД, – скромно ответил Первоцветов. – Так что слухами лишь оперирую, Федор Матвеевич. А по слухам, за историей этой мог стоять замглавы администрации Андрей Казанский. Тот, что приезжал в Дом у реки.

– А что у него с Репликантовым? Судья ему в чем-то дорогу перешел? Уголовное дело, процесс?

– Нет, там все в какой-то иной плоскости. Гораздо более личное. Только я не в курсе. Скандал тот августовский замяли. Ролик посмотрели и забыли.

– А фотографа прикончили, – хмуро подытожил Гушин. – Кто может быть в курсе этого конфликта? С кем потолковать?

– Можно с Вакулиным. Он владелец «Горьевских далей», где банкет проходил. Местный. Бизнесмен. Он их круга и давно знает обоих как облупленных. Кстати, присутствовал на

том банкете в роли организатора и гостя одновременно. Может, у него есть какая-то полезная информация, если сумеете его разговорить.

– Так, понятно, Вакулин, – Гушин записал себе. – А та моя просьба – узнать побольше насчет Дома у реки?

– Это легко сделать в городском музее, – ответил Первоцветов. – Музей по воскресеньям как раз открыт. Александра Вакулина в воскресенье утром столь же легко застать в его собственном отеле – он в сауне парится, в бассейне отмокает после загула выходных дней. Пить начал с тех пор, как бизнес его под откос покатился.

– Тогда сначала едем к Вакулину, а то он снова упьется после сауны. – Гушин глянул на часы. – Музей от нас никуда не убежит.

Трехэтажный особняк-новодел отеля и ресторана «Горьевские дали» располагался напротив Горьевского пассажа – уродливого торгового центра, залепленного вывесками «Головные уборы», «Ювелир», «Обувь», «Купеческая пастила» и «Губернский стиль».

Войдя внутрь отеля, Катя сразу поняла, отчего судья Репликантов выбрал для парадного банкета именно это место – подобный тяжеловесный стиль и нелепый дизайн предпочитали силовики. Этакую смесь всего и сразу: бархатных купеческих стульев с гнутыми ножками, тяжелых массивных столов, отделанных «под кирпич» brutальных стен и при этом потолков с лепниной и хрустальных люстр с висюльками (!). И чтобы в меню было много жаренного на гриле и на углях мяса и всего, что пожирней, посытней.

Холл отеля пустовал, пусто было и в сумрачном зале ресторана, где, несмотря на мощный кондиционер, пахло застоявшимся потом и духами. Затем откуда-то из недр здания выскочил менеджер-портье. Узнав, что трое прибывших – Гушин, Первоцветов и Катя (Анфиса осталась в ОВД, в цепких когтях следственного производства) – не будущие постояльцы, а из полиции, сразу погрузился и проямлил, что «Шур Шурыч у себя, но ему нездоровится».

Первоцветов только рукой махнул – разберемся – и повел их мимо банкетного зала, мимо еще одного холла, мимо небольшого бассейна, где слышался смех и плеск. Там, словно в бирюзовой тропической лагуне, плескались две нимфы-топлес. На бортике бассейна стояли бокалы с шампанским со следами губной помады.

Мимо, мимо нимф – в прокуренный коридор. Первоцветов постучал в белую дверь.

– Кого еще черт несет? Я занят.

Капитан Первоцветов нажал на ручку двери, и она распахнулась, открывая вид на неприбранный «приватный кабинет» ресторана – с бархатным красным диваном и круглым столом на шесть персон, за которым сидел крупный мужчина в одном лишь синем банном халате, с волосатой грудью, хмурый, явно с похмелья. Возрастом далеко за пятьдесят. У него были густые седые волосы и маленькие заплывшие медвежьими глазки, курносое лицо с грубыми чертами – ни дать ни взять типичная карикатура на некогда прославленного анекдотами «нового русского», обрюзгшего и расплывшегося под грузом прожитых лет.

– Александр Александрович, здравствуйте, есть разговор, – с порога возвестил капитан Первоцветов. – Это вот полковник Гушин из ГУВД, у него к вам вопросы.

Александр Вакулин – «Шур Шурыч» для своей челяди из персонала отеля – бессмысленно заморгал, тяжело вздохнул, распространяя вокруг себя запах перегара.

– Я... это... А по какому вопросу? Это из налоговой?

Гушин официально представился.

– Криминальная полиция, розыск.

Вакулин все моргал.

– А, это... ясно чего... Мне в отеле сказали – мальчишку того убили в Доме у реки. Некоторые в городе скажут – туда ему и дорога, байстрюку, только не я.

В дверь робко заскреблись, затем в щелку заглянуло сильно накрашенное личико нимфы, закутанной в белый банный халат.

– Шур Шурыч, я бутылку возьму. У нас шампань кончилась.

– Брысь, потом. Здесь люди по делу пришли, – Вакулин отбрил нимфу не грозно, устало-добродушно. – Катись отсюда, купайтесь там. А вы это... вы садитесь...

Он указал рукой на бархатные стулья за столом, разоренным поздним ужином, наверняка затянувшимся до самого рассвета.

– Так в городе уже все знают об убийстве фотографа Нилова? – спросил Гушин, усаживаясь поудобнее.

– Еще вчера вечером. У нас как сарафанное радио – ничего не укроется. Это же Горьевск.

– А скандал летний, в который Нилов лепту внес, – ролик в интернете с судейского банкета вспоминают в Горьевске?

– Конечно. Я сам сразу об этом подумал. – Вакулин покосился на Первоцветова. – Да мы тогда сколько это с вами обсуждали! Всю эту мутную канитель.

– Судья Репликантов справлял праздник здесь, у вас в ресторане?

– Весь ресторан снял, пятьдесят гостей. Меню по высшему разряду. Я сам по рынкам вместе с поваром закупаться ездил. Все чин чинарем. А свинину он свою поставил, с фермы дочери. Свежак.

– А фотограф Нилов?

– Так он его сам пригласил, чтобы снимать, фотографировать. Он в зале вертелся как юла.

– Вы его до банкета не знали?

– Нет. Зато потом узнал, когда хайп с роликом поднялся до небес. Мне Репликантов претензии начал предъявлять: как это охрана отеля допустила, чтобы он снимал пьяных гостей и как они жрут все как саранча! А что моя охрана могла сделать? Когда он сам его нанял банкет фотографировать?

– Но ведь Нилов, насколько я понял, незадолго до этого в городе появился. У него не было причин желать судье зла или позора.

– Я понятия не имею. Это когда было-то – летом. Все уже забыли про эту историю.

– Фотографа Нилова убили.

– Вы что, судью Репликантова, что ли, подозреваете? – хмыкнул Вакулин.

– Но ведь это был единственный конфликт в городе – крупный, с большим общественным резонансом, в который оказался втянут фотограф.

– Это точно, – согласился Вакулин и тут же покачал круглой головой. – Трудно в это поверить. Фантастика.

– В то, что фотографа убили из-за ролика в интернете? Я вот слышал, что за всей этой скандальной историей могло стоять третье лицо, у которого были некие основания желать судье неприятностей.

– Третье лицо? – Вакулин весьма карикатурно изобразил непонимание.

– Казанский, из администрации, – подсказал ему капитан Первоцветов. – Такие ведь слухи тогда по городу бродили.

– Это лишь слухи.

– Но вы сами тогда... Александр Александрович, я уже тогда понял, что в Горьевске слухи ловят, словно радаром.

– Эхолотом от дна, – усмехнулся Вакулин и налил себе стопку водки из початой бутылки с «плечиками».

– Вы здешний старожил, ведете бизнес в городе, кому, как не вам, знать таких людей, как председатель городского суда и замглавы местной администрации? – задушевно спросил полковник Гушин.

– Сливной бачок из меня сделать хотите?

– Мы расследуем убийство. Денис Нилов убит. Я официально прошу вас оказать помощь следствию.

– Да я не против, только я ничего такого-всякого про них не знаю.

– Но все же что-то ведь вам известно – по слухам городским, по интуиции, вы умный человек, бизнесмен. Бизнес не ведут вслепую, ведь так? Всегда нужна какая-то дополнительная информация. Они конфликтовали – судья Репликантов и Казанский?

– Вроде да, черная кошка промеж них пробежала.

– По какой причине? Какое-то уголовное дело? Конфликт интересов?

– Я слышал лишь, что к увольнению Репликантова на пенсию Казанский мог руку приложить. У него связи. Хотя, с другой стороны, Репликантов вроде как сам ушел. Ему за шестьдесят уже.

– Причиной конфликта стал какой-то процесс в суде?

– Вроде нет.

– А что тогда могло быть? Дочь судьи владеет свинофермой, но фактически бизнес ведет он сам. Может, это вызвало недовольство городской власти?

– Нет, на это сквозь пальцы здесь смотрят. Это судейские могут претензии предъявлять, а здешним что? Зачем?

Катя видела, что тон Вакулина – поначалу наигранно простецкий, грубоватый – слегка изменился.

– Может, в личном плане? У вас здесь прокурор застрелил из ревности начальника ГИБДД, любовника жены. Может, и между судьей и Казанским тоже...

– Хотите сказать, что они любовники? Голубки? – захохотал Вакулин, снова превращаясь в «Шур Шурыча». – Ну, вы даете, полиция! Ох, прямо до слез насмешили. Казанский и точно ходок – правда, по части баб. Подбирает себе с умом. А у Репликантова супруга умерла много лет назад. Так что и тут пальцем в небо. Хотя насчет личного...

– Что? Нам любая информация в плюс.

– Они к одному обществу принадлежат.

– К одному кругу общения?

– Нет, к одному обществу – историческому, при музее нашем, – выпалил Вакулин. – Оба историей интересуются.

На лице Гущина было написано разочарование.

– Хобби, что ли?

– Вроде да. Так до ссоры дошло. До скандала публичного.

– Скандала? Еще одного?

– Это раньше было. Давно. Я толком не знаю – только что в городе говорили. Мол, на вечере во время какого-то музейного мероприятия они сцепились чуть не до драки. Репликантов Казанского во лжи обвинял и в этом... в обмане... нет, в подлоге, в искажении истории. Сейчас все как помешались на этом. Как болезнь, вирус. Вот и они заразились. Казанский вроде чего-то там искажал или извращал.

– Чего извращал? – Гущин спросил это скучно. Беседа явно пошла не в том ключе, какой он хотел.

– Понятия не имею.

– Ладно, ясно. Последний вопрос к вам: вы после истории с роликом в интернете с фотографом Ниловым общались?

– Да, – Вакулин кивнул. – Мне для документов фотографироваться надо было, в паспорте менять фото – а то банк по фотографии двадцатилетней давности отказывается узнавать, и для загранпаспорта нового я тоже фотографировался у него. А куда денешься – в городе одно фотоателье. А документы нужны.

– И когда это было?

– Для загранпаспорта – в сентябре. А в паспорте фото велели менять три недели назад. Он хороший фотограф был, аккуратный. Дело свое знал. Старался. Жалко парня. – Лицо Вакулина было серьезным и одновременно равнодушным.

Катя уже успела отметить, что в Горьевске именно так реагируют на чужую смерть – лицемерно и отстраненно. Но это – примета времени. Хотя в Горьевске она отчего-то особенно бросается в глаза.

Глава 11

Вымерший род

До музея от отеля «Горьевские дали» можно было дойти пешком. Однако Катя настояла, чтобы они вернулись в отдел за Анфисой.

– В музей надо идти с ней, Федор Матвеевич, – доказывала она в машине. – Анфиса больше нашего про фотографии знает. Она может такой вопрос задать, который нам и в голову не придет.

– Анфиса Марковна завтра или уже сегодня сядет в эту вашу финтюфлюшку на колесах, и адье! – возразил Гущин.

– И с кем мы останемся? – спросила Катя. – Вы контейнер во дворе ОВД почаще вспомните, Федор Матвеевич. И пустые кабинеты. И не тешьте себя надеждой, что все ваши начальственные ЦУ здесь кинутся моментально исполнять. Некому стало исполнять. Кто явится на ваш зов? – спросила она с непередаваемой интонацией из «Властелина колец». – Эльфы? Люди?

– Контейнер с подарками я не забыл. В смысле морального климата это многое объясняет. «Жучок»-прослушку ведь в кабинете в любом месте можно поставить – не только в подарке или наградном предмете. И все это знают. Про гнусные-то времена я все чаще слышу – и от самых разных людей, из самых разных слоев. Полиция последняя была, где об этом заговорили. Но это еще не повод, чтобы посторонний человек совался в расследование убийства.

– Анфиса не посторонняя. Вы ее однажды сами к расследованию убийства привлекли, со мной на пару!

– Я бы тоже не возражал, чтобы она... свидетельница пока осталась в Горьевске, – подал голос капитан Первоцветов. – Пока нет никакой ясности ни в чем. Фотограф убит, но она же тоже профессиональный фотограф. Возможно, ее присутствие и советы принесут пользу.

– Эльфы явились на подмогу, – хмыкнул Гущин. – Я фильм-то смотрел. Хороший он, героический, хоть и сказка.

В отделе они нашли Анфису в коридоре, у запертого кабинета. Допрос закончился, следователь испарился. Анфиса, судя по лицу, тосковала в бездействии. Пока Катя бодро извещала ее, что сейчас они все вместе отправятся в музей, Гущин позвонил патологоанатому.

Судмедэкспертизу никто не откладывал, патологоанатом сообщила, что уже приступила к вскрытию.

– Вы на теле еще какие-то повреждения нашли? – спросил Гущин.

– Кроме черепно-мозговой травмы – следы уколов на руках и бедрах и синяки различной давности.

– Наркоман?

– Со стажем, Федор Матвеевич.

Гущин посмотрел на Анфису так, словно был удивлен, что та не солгала ему о пагубной привычке фотографа Нилова.

А историко-художественный музей города Горьевска оказался прелюбопытным местом. Это лишь снаружи он радовал взор строгой архитектурой классицизма – жемчужно-пепельным фасадом и подстриженными в виде шаров липами у входа. Внутри посетителей встречало буйство красок и смешение стилей. Катя сразу поняла, что музей, как и Башня с часами, – это старинная достопримечательность, городская гордость.

Пока Гущин и Первоцветов разговаривали с охранником у рамки металлодетектора на входе, прося пригласить кого-то из музейных хранителей, они с Анфисой через холл прошли в парадный зал, украшенный пышной лепниной и позолотой. Дальше начиналась экспозиция

музея, расположенного в залах, декорированных с купеческой пышностью – паркетные полы, хрустальные люстры, тяжелые бархатные шторы, картины в тяжелых золотых рамах, множество бронзовых скульптур небольшого размера, фарфор в витринах.

В одном из залов Катя увидела, что одна часть стены под стеклом – там сохранились старые обои – синие в золотых лилиях, как в Доме у реки.

– Ужасная картина.

Это сказал капитан Первоцветов. Как он вошел в зал, они с Анфисой не слышали – ох уж эта его бесшумная кошачья походка! Он стоял возле картины, висевшей в углу у окна.

– «Портрет купчихи на смертном одре». Неизвестный художник. – Первоцветов прочел это на табличке под картиной.

На полотне была изображена мертвая женщина в пышной постели, на белых подушках – в чепце и жемчугах, с восковым лицом и сложенными на груди руками. Одеяло укрывало ее до пояса – синее, стеганое, в золотых лилиях.

Послышались голоса – в зал вошел полковник Гушин в сопровождении низенькой толстой хранительницы музея и молодого парня в джинсах, черной толстовке и черном жилетке. Приглядевшись, Катя узнала его – тот самый, что отчаянно скучал в машине на улице Труда, у дома, где Нилов снимал комнаты у местной алкашки Маргоши. Тогда с парнем была спутница – модная пожилая дама. Как же ее звали... она представилась им – кажется, Мария Вадимовна...

– Макар, вы пока сами посмотрите коллекцию фарфора, она в соседних залах, – сказала хранительница юнцу. – Там и фарфоровая рамка в витрине, которая Марию Вадимовну интересует. Вы тот предмет где приобрели?

– На Арбате, в антикварной лавке. – Голос у парня был приятный. – Тете на юбилей. Та рамка – кузнецовского фарфора, с клеймом. Собственно, я в этих вещах совсем не разбираюсь. Это тетя велела мне прийти сюда, в музей, и посмотреть.

– Вы не пожалеете о потраченном времени. У нас прекрасная экспозиция, – заверила его хранительница.

И он поплелся расслабленной походкой в соседний зал. Полковник Гушин проводил его взглядом.

– Немного у вас посетителей в воскресный день, – констатировал он.

– В летний сезон, когда дачники приезжают, посещаемость больше. Экскурсии. Сейчас кто поедет? Глухая осень, очей очарованье... Так чем мы, музей, можем помочь полиции?

– В городе есть такое место – Дом у реки, – сразу начал капитан Первоцветов. – Мы бы хотели узнать его историю. Кому он раньше принадлежал, что это за здание.

Хранительница скользнула взглядом по его лицу.

– Ах, это... Убийство. Я слышала. В городе говорят, там кого-то убили. Дом у реки – это местное название. Как памятник городской архитектуры он по документам проходит как дом купцов Шубниковых.

Анфиса быстро подошла к ним. Катя увидела, что она насторожилась. Полковник Гушин прищурился и тоже придвинулся ближе, словно глухой, который хочет лучше расслышать.

– Этот дом купец Шубников – старый Шубников, как когда-то называла его молва, – возвел для себя в то время, когда начал на берегу реки грандиозное строительство своей бумагопрядильной фабрики. Видели, наверное, ее корпуса?

– И Башню с часами вашу видели, – кивнула Катя. – Поразительное сооружение.

– Да уж. Наша изюминка – башня с часами. Старый Шубников строил это все в комплексе. Проект заказал англичанам – отсюда такой лондонский стиль у башни и фабричных зданий. Это было в середине девятнадцатого века, строительство шло очень быстро, и уже в середине пятидесятых годов фабрика начала работать. А в шестидесятых годах девятнадцатого века Шубников занял лидирующее место в российском производстве по обработке хлопка и

изготовлению тканей. В Доме у реки он жил несколько лет, наблюдая за строительством фабрики – там были и жилые апартаменты, и купеческая контора – все вместе. И касса. Он жил там до тех пор, пока не родились его сыновья Савва и Мамонт. Потом он начал строить для себя большой особняк здесь, в центре, – может, видели, еще одна наша достопримечательность – Дом с башнями.

– Нет, пока не видели, – ответила Анфиса.

– Дом у реки какое-то время служил фабричным помещением – ну, до тех пор, пока после смерти старого купца Шубникова его сыновья... точнее, младший сын Мамонт еще сам лично занимался делами производства и фабрики. Пока не произошла та трагедия в их роду.

– Что за трагедия? – спросила Анфиса.

Катя отметила, что Гущин словно делегировал ей вести беседу про купцов Шубниковых, но сам слушал очень внимательно и словно что-то вспоминал. Или запоминал.

– Ох, эта история здесь, в городе, хорошо известна. И в интернете о ней можно прочесть – наберите Горьевск, фабрика Шубниковых, сразу выдаст вам кучу ссылок. Семейная трагедия с убийством. Дело в том, что Шубниковы – некогда столь знаменитые и богатые – это вымерший род. И не революция и экспроприация собственности положили конец их процветанию. Когда старый Шубников умер, его сыновья были молоды. Савва как старший имел приоритет в наследстве и распоряжении капиталом. Но он не занимался делами в силу своего слабого здоровья. И младший, Мамонт, изучавший текстильное производство в Англии, закончивший Кембридж, не желал мириться с таким положением вещей. Он отравил Савву. Якобы положил яд то ли в кофе, то ли в вино. Но по трагическому стечению обстоятельств этот яд вместе с братом выпила и молодая жена Мамонта Глафира. Они умерли. А Мамонт застрелился. У него и Глафиры осталось двое детей, две девочки. Они росли с няньками и опекунами. Фабрике было назначено что-то вроде внешнего управления в виде коллегии из менеджеров-иностранцев, отвечавших за производство, и товарища Мамонта еще с университетских времен – Игоря Бахметьева. Тоже промышленника, банкира, председателя Русского банка и сына знаменитого в Горьевске градоначальника – Святослава Бахметьева, который вместе со старым Шубниковым сделал очень много для развития нашего города. Они провели сюда железную дорогу, построили водопровод и канализацию. Этот музей тоже стал своеобразным подарком рода Бахметьевых. А Шубниковы, они...

– Вымерший род? – спросила Катя. – А как же дочери, девочки?

– Их тоже не стало, – ответила хранительница музея. – Уже к пятому году на фабрике Шубниковых не осталось прежних владельцев и наследников. Это здание музея было выкуплено Игорем Бахметьевым у купцов Никитиных. Глафира Шубникова была из этого рода, и там тоже остались лишь троюродные кузены, которых Горьевск не интересовал. Музей был открыт в 1911 году. Игорь Бахметьев передал сюда коллекцию произведений искусства, собранную Шубниковым, и свои вещи добавил тоже. Но в основном это все из собрания Шубниковых – и знаменитое собрание старообрядческих гуслицких рукописных книг, и книги крюкового распева – поющие, и фарфор, и бронзовые статуэтки. И картины. Взгляните сюда, – она плавно повела рукой на стену, где висела картина, которую капитан Первоцветов счел ужасной. – Жемчужина нашей коллекции. Официальное название – «Жена тропецкого купца на смертном одре». Но есть основания полагать, что на этой картине изображена мертвая...

– Глафира Шубникова? – быстро спросила Анфиса. – Но она же...

– Нет, это картина шестидесятых годов девятнадцатого века. Мы полагаем, что это изображение умершей жены старого Шубникова, основателя рода. Это, возможно, мать Саввы и Мамонта. О ней не осталось никаких сведений, говорят лишь, что ее смерть была трагичной – якобы она скончалась от страха. Нервы... психика... В их роду это вообще имело место.

– В Доме у реки мы обнаружили деревянное кресло-каталку с ремнями, – сказал Первоцветов. – Шубников мог держать там свою жену взаперти?

– Нет. Там он жил лишь до рождения своих сыновей, пока строилась фабрика. Хотелось бы взглянуть на это кресло. Вы позволите нам, сотрудникам музея, осмотреть Дом у реки, когда вы закончите с расследованием убийства?

– Да, конечно. Только это позже. Сейчас это здание опечатано, – ответил Гушин.

– Как звали девочек? – спросила Анфиса.

– Прасковья старшая и Аглая младшая.

– Как они умерли?

Ее вопрос прозвучал излишне резко.

Хранительница музея поджала тонкие губы.

– Здесь, в городе, до сих пор ходит много историй. Что-то вроде городских легенд. Но все это вздор. Они умерли от болезни.

– Это их держали в том доме взаперти?

– Прасковья трагически умерла накануне свадьбы с Игорем Бахметьевым. Ей было семнадцать, ему сорок. Он хотел жениться на наследнице капитала и фабрики, объединить все, взять все в свои руки уже не в роли опекуна, а по закону. Прасковью не могли там держать. Она собиралась замуж за лучшего жениха Горьевска и всей тогда еще Рязанской губернии.

– А Аглая?

– Она была несовершеннолетняя.

– И что говорят городские легенды? – спросила Катя.

– Вы хотите, чтобы я пересказывала вам безумную чепуху? – хранительница почти обиделась. – Лучше я расскажу вам про экспозицию. Пройдете в соседний зал. Вы можете увидеть там памятную фарфоровую рамку свадебного банкета. Это рамка для меню. А банкет – это парадный обед в честь свадьбы Прасковьи Шубниковой и Игоря Бахметьева, который так и не состоялся. Рамка уникальная, существует в единственном экземпляре. Ни на каком Арбате, ни в какой антикварной лавке нельзя купить вторую такую же! – она повысила голос, словно обращаясь к находящемуся в соседнем зале парню по имени Макар.

Катя только сейчас уразумела, что он слышал их беседу. Акустика в залах с высокими потолками была превосходная.

Но ей и в голову не приходило, что их разговор – дальнейшие вопросы, которые Гушин начал задавать хранительнице, – слушает и еще кое-кто помимо скучающего юнца.

– Ладно, бог с ними, с городскими байками. – Гушин как-то уж слишком быстро отступил. – У меня к вам есть еще несколько вопросов. Я знаю, здесь, при музее, существует какое-то историческое общество.

– Это наша гордость. Известные люди города поддерживают местную отечественную историю, активно интересуются. Мы проводим семинары. Поощряем научно-просветительские проекты, изыскания в области истории города, фабрики.

– А есть в собрании музея старые фотографии? – неожиданно спросила Анфиса. – Из архива Шубниковых или Бахметьевых?

– Есть лишь несколько фотографий их фабричного делового архива – снимки фабрики в разные годы. Шубниковы, начиная с основателя рода, имели склонность к некой персонализации визуального ряда. О чем, кстати, говорит этот поразительный портрет мертвой жены на смертном одре. Согласитесь, не каждый будет заказывать такую картину живописцу и вешать ее на стену. А Шубниковы это делали. Личный архив рода в музей не передавался. А во время революции вообще многое сгинуло. От фабрики остались лишь старые корпуса и башня с часами. Там несколько лет назад делали реставрацию, ремонт. Хотели приспособить здания под торгово-офисный центр. Но этот проект был остановлен. Энтузиасты городской истории предлагали заново запустить часы на башне. Но это невозможно, потому что механизм очень старый. А заменить его новым, новыми часами, нельзя, потому что это охраняемый законом памятник. Но башня и так внушительно смотрится, даже с остановившимися часами.

– И давно они встали? – спросила Катя.

– По официальной версии – после революции, во время национализации производства большевиками. Тогда все крушили, купцов расстреливали. Но есть основания полагать, что часы перестали показывать время задолго до семнадцатого года, за много лет до этого. Это еще одна городская легенда, связанная с вымершим родом.

– К вашему историческому обществу отцы города принадлежат? – спросил Гушин, возвращая беседу к интересующей его теме. – Бывший председатель суда Репликантов и Казанский из администрации?

– Да, они оба интересуются историей.

– А что за конфликт был между ними?

– Конфликт?

– Ссора. Я слышал, они из-за чего-то конфликтовали в вашем научном обществе, и было это публично, на каких-то музейных слушаниях.

– Это нельзя назвать конфликтом. – На лице хранительницы появилось замкнутое, насто-роженное выражение, которое появляется у провинциалов-бюджетников, когда речь заходит о местной власти, от которой они зависят. – И это было давно. Я не помню деталей.

– Припомните, пожалуйста. Что вызвало ссору? Я слышал, речь шла об искажении исто-рии – это сейчас большая тема.

– Нет, но... не искажение, но... некоторые вещи не все могут принять.

– Какие именно вещи?

– Ну, приписывание исключительно себе некоторых особенностей. Родственных свя-зей... спорных во многих отношениях, ничем не подкрепленных, кроме каких-то там фанта-зий и домыслов.

– Пожалуйста, более конкретно. Что стало поводом для ссоры?

– Родословное древо, – нехотя выдавила из себя хранительница. – Андрей Казанский сде-лал его для себя. А судья Репликантов с его выводами категорически не согласился. Я не знаю подробностей. И деталей не знаю. Но это вылилось в публичную ссору на одном из закрытых семинаров. Репликантов обвинил Казанского в обмане, в подтасовке фактов и... в присвоении родственных связей, которые на самом деле фейк.

– И это стало поводом для разборок?

– Они с тех пор не разговаривают. И общаются лишь при крайней необходимости, – сухо констатировала хранительница. – Это все, что я знаю.

Глава 12

Судья

Возможно, те, кто когда-то жил в этом купеческом особняке, отданном под музей, любили подслушивать. Или внутренняя отделка имела изъян, но он слышал каждое слово, доносящееся из зала коллекций.

Их разделяла только стена, на которой висел портрет мертвой жены купца. А с другой стороны стены к залу коллекций примыкала комната библиотечного фонда, приспособленная для работы, вобравшая в себя черты старой музейной библиотеки и офиса. Здесь стоял удобный стол без тумб и ящиков – у самой стены. Так что слышно было превосходно.

Бывший председатель районного суда Петр Репликантов сидел за столом над раскрытыми старыми конторскими книгами и пожелтевшими чертежами. Но сейчас он отложил все в сторону – он слушал. Говорили о нем. И еще о разных вещах.

Репликантов по договоренности с музеем имел допуск в библиотечное хранилище, но, хотя теперь у него была масса свободного времени, приходил сюда нечасто. Лишь когда сносно себя чувствовал и надеялся продержаться целый день без приступов и лихорадочного приема таблеток. И еще потому, что в библиотечный фонд по будним дням часто, точно гадюка, заползала она – Машка Молотова, старая хитрая тварь. Вон и сейчас ее отродье – племянник – как тень бродит по залам.

Судья напряженно слушал, однако голоса стихли.

Но пока и этого было достаточно. Итак, полиция явилась в музей. Вот так сразу. Как только фотограф сдох, они пришли именно туда, куда и надо было прийти.

Хотя имелись и другие места. Но музей всегда фигурировал в списке. И что же это означало? Откуда полицейским стало известно то, чем они интересовались и о чем спрашивали? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: они кое-что узнали, причем сразу. У них имелась некая информация.

А что это значило? Лишь одно: проклятый фотограф успел что-то разнюхать.

Что он узнал? Что нашел?

Судья Репликантов напряженно смотрел на стену, что пока отгораживала, защищала его от вопросов полиции и самих полицейских. Это ненадолго. Они придут и к нему со своими вопросами. Надо подготовиться к этой встрече. Он проработал в правоохранительной системе достаточно и знал, что в некоторых случаях, когда попадаютя особо рьяные полицейские, они начинают копать и копать, давить и давить, собирать информацию по крохам и в конце концов узнают, *как оно было на самом деле*.

Хотя это почти нереальная вещь – установление истины. Той самой истины, в ее конечной ипостаси. Он слишком долго проработал судьей, чтобы не сомневаться в этом.

Как судья и профессионал Петр Репликантов ценил себя очень высоко. За его плечами были годы судейства, и он до конца оставался честным и беспристрастным судьей. Он в полной мере выполнял свой долг, служил правосудию ревностно и фанатично, не потому что желал быть честным и беспристрастным, а из чувства полного презрения к окружающему его миру. Он просто не желал становиться частью всего этого распада и тлена. Он не хотел уподобляться *им*.

Тем, кого видел-перевидел за свою долгую карьеру судьи. Тем, кто умел приспособиваться, ловчить, ползать на брюхе, холопски раболепствовать, держаться мейнстрима под несущееся из всех телевизионных щелей и дыр злобное кваканье, под нескончаемую травлю и словесный понос. И при этом воровать и тырить бабло, прятать, писать доносы, участвовать в провокациях, где одни ублюдки ловили на липовых взятках других ублюдков и при этом лже-

свидетельствовали и лгали, страшась, однако, повторить свои обвинения в суде, и даже не скрывали, что надменно, по-хамски презирают и суд, и закон. И при этом снова тырили и стяжали, старались сохранить накопленное, фиктивно разводились с женами. Готовы были ради сохранения своих капиталов и должностей отказаться от детей и родителей, тягали друг у друга то, что еще можно было отнять и поделить. И опять, опять писали доносы и докладные, устраивали провокации, сажали друг друга, корча из себя служивых людей, но при этом оставаясь в душе рабами и дрянью, готовой в единый миг изменить и собственное мнение, и свою жизненную позицию.

Судья Репликантов презирал все это. И он был строгим и справедливым судьей, опираясь на свое презрение. Порой *от них и от их поступков хотелось блевать, а он выносил приговор.*

Но с некоторых пор и это отошло на второй план. Стало неважным. Может, болезнь была тому виной.

С тех пор как врачи сказали ему, мир как-то сузился вокруг него. И все бытие свелось к одной-единственной цели. К одному-единственному желанию. Которое он жаждал исполнить.

Свою отставку в этом свете он воспринял как освобождение от оков. У него просто уже не было времени на все это – на правосудие, амбиции. Он должен был сосредоточиться на самом главном. Жизненно важном.

У судьи Репликантова имелась и еще одна черта: он не испытывал жалости. Когда-то именно это помогало ему быть беспристрастным и справедливым. Он не жалел тех, с кем сталкивался в процессе.

Не жалел он и покойного фотографа Нилова.

Он лишь хотел знать, что стало известно этому молодому идиоту. И как, как он докопался, как сумел?! Почему он?! Где он это нашел?! *Там, в Доме у реки? Значит, он не единжды приходил туда, ошивался там и...* С какой стати именно ему выпал такой шанс, когда он, судья Петр Репликантов, положил месяцы и годы, чтобы...

Это ли не насмешка судьбы?

Судья Репликантов достал из кармана пиджака таблетки. И проглотил две. Он уже давно привык не запивать лекарство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.